

ДМИТРИЙ ЗУРКОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Боевая фантастика (АСТ)

Дмитрий Зурков

Возвращение

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зурков Д. А.

Возвращение / Д. А. Зурков — «АСТ», 2018 — (Боевая фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-107904-8

Они вернулись. Они прошли по германским тылам, оставляя за собой трупы германских солдат и неодолимый панический страх, прочно поселившийся в глазах тех, кому повезло остаться в живых. Как нож сквозь масло они прошли через линию фронта и оказались у своих. Но свои тоже бывают разные... Психиатры утверждают, что обостренное чувство справедливости является признаком душевного расстройства. Но когда ты видишь какую-то тварь, издевающуюся над маленьким и слабым, и вступаешься, ты – псих? Или всё-таки весь этот мир сошел с ума, позволяя такое?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107904-8

© Зурков Д. А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев

Возвращение

© Дмитрий Зурков, 2018

© Игорь Черепнев, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

*Авторы выражают искреннюю благодарность всем участникам форумов «В Вихре Вре-
мен» и «Самиздат», без чьих замечаний книга не получилась бы такой, как она есть, и осо-
бенно:*

*Светлане Полозковой, Элеоноре и Грете Черепневым, Ольге Лащенко, Анатолию Спесив-
цеву, Владимиру Геллеру, Игорю Мармонтову, Виктору Дурову, Виталию Сергееву, Алексан-
дру Колесникову, Владимиру Черменскому, Андрею Метелёву, Валерию Дубницкому.*

Глава 1

Крепостные ворота приоткрываются, тихонько поскрипывая. Первыми в образовавшийся проход выглядывают черный зрачок пулемета и пара внимательных, настороженно смотрящих глаз. Втроем секунд десять оглядывают близлежащий пейзаж, подсвеченный закатом, и, не найдя ничего подозрительного, Зингер показывает рукой – «Продолжить движение». Бойцы бесшумно исчезают за воротами, шорох и звяканье слышатся только от наших «пассажиров» – крепостников и медсестрички. Последняя, переступив через свои девичьи принципы и комплексы, все же переделалась в форму, собранную с миру по нитке.

Фельдфебель Пантелеич, подтвердив в очередной раз тезис о том, что старшина – это особый вид военного хомо сапиенса с гипертрофированным хватательным и прятательным рефлексом, пока мы играли в свои игры, сумел маленько прибарахлиться на разгромленных складах и раздобыть новую форму. Но так как батальон уходил налегке, героически преодолел инстинкт собственника и, соблюдая принцип «На тебе, убоже, что нам негоже», поделился с моими бойцами. А они в свою очередь приодели «сестренку». Гимнастерка, шаровары, даже умудрилась свои косы под фуражку спрятать. Форменная одежда сестры милосердия, скорее всего, в заплочном мешке. Немного выбиваются из общего вида женские высокие ботинки на шнуровке вместо сапог, но кто сказал, что это – не берцы? Одета этаким гаменом Гаврошем, правда, с нужными выпуклостями в нужных местах, она проскользнула в проход вслед за Бером. Вот черт, в этой суматохе совсем забыл о правилах приличия, не представился даме. Кошмар-с! Моветон-с! На ближайшем привале надо будет извиниться (по идее не за что, но ведь женщине этого не объяснишь) и познакомиться. А пока пропускаем вперед остальных и с тыловым охранением погружаемся во тьму с пьянящим привкусом свободы и неизвестности...

Головняк уходит вперед, мы трогаемся следом. Идем по тропинке параллельно дороге вдоль Нарева, ищем ближайшую переправу. Не думаю, что у кайзера в свите одни дураки собрались, наверняка уже нашелся энергичный герр, который дал команду зачистить крепость и одновременно с этим создать кольцо оцепления с радиусом в дневной переход. А мы не сможем двигаться на форсаже, в группе – неподготовленные люди. Значит, придется идти очень тихо и незаметно, чтобы ни одна немецкая мордочка не чухнулась. И во что бы то ни стало как можно быстрее попасть на другой берег, чтобы вырваться на оперативный простор. Через пару верст в Нарев должна впадать Вкра, и, судя по карте, там есть удобное место...

Переправы нашли там, где и ожидали, недалеко от слияния двух рек. Разведка чирикнула «Стоп», потом из кустов материализовался боец, который обрадовал нас новостью. Два типичных армейских понтонных моста ждали нас в двух десятках шагов друг от друга. Охраняемые полувзводом гансов-саперов. Причем «охраняемые», наверное, было громко сказано. В отсветах костров мы насчитали пару часовых на этом берегу и пару – на том. Остальные или ужинали рядом с палаткой, или усиленно к этому готовились. Вот и хорошо! Несколько часов придется подождать, заодно и сами отдохнем. А там будет видно.

Возвращаясь к основной группе, команду привал, выставляю охранение. И еще раз очень вовремя напоминаю господам офицерам, которые полезли в карманы за папиросами, о вреде курения под самым носом у противника. А теперь виртуально посыпаю голову пеплом и иду разговаривать с сестрой милосердия, которая сидит, зажмурившись и прислонившись спиной к дереву. Присаживаюсь на колено, чтобы было удобней разговаривать.

– Мадемуазель... Простите бога ради! В этой суматохе не нашел времени представиться. Подпоручик Гуров Денис Анатольевич. Нужно было сделать это гораздо раньше, но... Простите великодушно, виной тому определенные форс-мажорные обстоятельства.

Она открывает глаза, слегка морщится, устраиваясь поудобней.

– Анна Сергеевна Снегирева... Оставьте, Денис Анатольевич, я – не в обиде. Знаю, чем были заняты в крепости... И спасибо вам большое за то, что не оставили одну в беде. – На ее лице снова появляется болезненная гримаска. – Только, боюсь, буду задерживать вас. Непривычна я к таким прогулкам.

– Ничего страшного, сейчас правильное направление важнее скорости... Не считите за фамильярность, расшнуруйте ботинки, дайте ножкам отдохнуть. Времени на это у нас предостаточно.

Решив, что после переодевания в мужскую одежду ее репутации уже ничего не сможет повредить, она распускает шнурки, снимает обувь и, с видимым наслаждением, шевелит пальцами ног.

– Анна Сергеевна, если не секрет, как вы оказались одна в казарме?.. Прятались?..

Медсестричка насупливается, лицо становится строгим, в голосе появляется горечь:

– Госпиталь находился рядом со складами. Вчера какие-то солдаты взломали ворота и разграбили их, а что не смогли унести – подожгли. Позже огонь перекинулся к нам на крышу. Мы, шестеро сестер милосердия, стали вытаскивать раненых, а в это время санитары, пьяные после грабежей, избивали Илью Ивановича и Андрея Сергеевича, наших докторов, припомнив им строгие порядки. На нас никто не обращал внимания, помогали только трое студентов-вольноопределяющихся...

А потом появились германцы. Они согнали всех в одно место и запретили расходиться. Мы так стояли около часа, потом раненых, которые могли ходить, построили в колонну и куда-то повели под охраной. А после принялись за нас... Сначала какой-то унтер-офицер объявил, что мы будем обысканы... И солдаты начали нас просто лапать. Потом двое схватили меня за локти и куда-то потащили. Я даже сопротивляться не могла... По дороге их остановил офицер, и я, воспользовавшись заминкой, убежала и спряталась в первой попавшейся казарме. Потом долго бродила по коридорам из каземата в каземат, пока не услышала шаги и не спряталась. А когда вы пробежали мимо, поспешила вслед... Было очень страшно оставаться там одной и ждать, когда снова появятся германцы. А потом кто-то тронул меня за руку, и я испугалась... Очнулась уже в комнате... А скажите, Денис Анатольевич, – она вдруг с силой хватает меня за руку. – Скажите – почему?! Почему они так себя ведут?.. Они же считают себя культурной, цивилизованной нацией... Почему же ведут себя, как дикари?.. И как же все международные конвенции, договоренности?..

М-да, маленькая, наивная дур... девочка. Во все времена, когда солдаты брали неприятельскую крепость и находили в ней женщин, они их быстро растаскивали по укромным уголкам... Наверное, для того, чтобы полюбоваться лирическими пейзажами или обсудить различия в философских мировоззрениях всяких там Кантов и Шопенгауэров... С-суки!..

– Знаете, Анна Сергеевна, может быть, потому, что нас германцы за цивилизованных людей не считают. Мы для них – что-то вроде полудрессированных обезьян или африканских дикарей, с которыми вовсе не обязательно быть честными, вежливыми, порядочными... А вообще, когда-то (в далеком будущем) один умный человек сказал: «Цивилизация – это когда тебя убивают, но уже не отрезают уши». Французы в подобных случаях говорят: «...à la guerre comte à la guerre – на войне, как на войне»... У нас в запасе есть время, постарайтесь поспать и отдохнуть. Потом, скорее всего, будет трудно...

Андрейка разбудил меня около трех часов ночи. Луна висела уже над крепостью, горизонт над лесом на том берегу только начал еле-еле заметно бледнеть. Посылаю его будить остальных, скоро будем переправляться.

Пока все приходят в себя, вместе с Зингером пробираемся к нашим дозорным. Костерок возле немецких часовых еще горит, сами же гансы сидят на бревнышке и, насколько можно видеть при таком освещении, кемарят, опершись на зажатые между колен винтовки. А почему бы, собственно, и не поспать бравым воякам кайзера, пока никто не видит, а до смены еще

около часа. Тот берег не видно из-за ползущего по воде тумана. В серовато-перламутровой мгле угадывается только расплывчатое пятно костра. А так как палатка находится там, кому-то придется искупаться.

На ту сторону, отталкиваясь поочередно от лодок-понтонных, поплыли Гор и Зингер, временно доверивший мне свой пулемет. Здесь, на этом берегу, будет работать пара погранцов из отдыхавшей «пятерки».

Проходит пять бесконечно долгих минут ночной тишины, нарушаемой только редким всплеском волн в оцинкованные борта, недовольным кваканьем лягушек, мающихся бессонницей, и посвистом ночных пернатых в прибрежных кустах. Потом с той стороны из тумана доносится тихий условный «чирик», дескать – «Мы готовы». Звучит ответный сигнал, и две темные фигуры накрывают гансов, которые беззвучно валятся с бревнышка подальше от костра. Винтовки, не лязгнув ни разу, ложатся рядом.

Хочется пройти переправу незаметно, поэтому часовые после пробуждения от пинка разгневанного до невозможности гефрайтера-разводящего будут лепетать что-то в свое оправдание и пытаться понять, как же это они уснули на посту. А всего-то и делов – закрыть рот одной ладонью и другой рукой нажать и поддержать секунд десять нужную точку на шее. С той стороны уже доложились очередным свистом, что часовые тоже уснули.

Разуваемся, чтобы не шуметь, и перебегаем на ту сторону – надо блокировать на всякий случай палатку. Туман густеет на глазах, доски настила заволакивает время от времени космато-седыми прядями. Волны тихонько колышат понтоны... Ага, вот и сходни, вот и бережок... Оп-па!.. Художники-инсталляторы!.. Один немец лежит на боку, обняв винтовку, подожив под щеку ладони и подтянув к животу коленки. Этаким младенчик в «фельдграу». Другой со спины закинул руку ему на плечо и ногу на бедро... Сладкая парочка, блин!

Автор произведения, судя по довольной ухмылке, – Егорка, притаившийся сбоку в одном исподнем. Кидаю ему и Андрейке свертки с формой, чтобы оделись. Зингер сначала забирает у меня свой «мадсен», обтерев наскоро руки, приводит его в готовность и лишь только потом развязывает тючок с одеждой.

Тем временем пришедшая «пятерка» располагается вокруг палатки, в руках бойцов ножи, чтобы в случае чего обрезать растяжки. Один человек специально дежурит возле входа. Посылаю переодевшегося Егорку обратно, чтобы переводил остальных...

Хоть туман и глушит звуки, короткий женский взвизг был слышен оч-чень отчетливо!.. Все, не пройдем тихо!.. Внутренность палатки отозвалась на этот живой будильник глухим невнятным ворчанием, потом возле полога наметилось шевеление...

Ну и зря! Спали б крепче – были б живы!.. Машу рукой, бойцы режут веревки, палатка оседает вниз, и неожиданно громко парусину перечеркивают очереди двух пулеметов. Шевеление внизу прекращается, бойцы разрезают тент и ножами проводят контроль. А я, уже обувшись, тем временем бегу узнать, что же вызвало такую неадекватную реакцию барышни на мосту. Все оказалось до невозможности банально. Это я своим тысячу раз объяснял что такое «кошачий шаг» и что через неизвестное и ненадежное препятствие нужно идти цепочкой, улавливая колебания под ногами от впереди идущего.

Наши «гости» об этом не знали и не подумали. Ломанулись через мостик всем скопом, не слушая объяснений. Раскачали понтон, вот наша барышня, чуть было не полетев в воду, подала сигнал «SOS». Хорошо, что рядом вездесущий Егорка оказался. Поймал на лету, не дал искупаться да еще и рот-сирену рукой прикрыл. За что, правда, потом смущенно извинялся.

Ну, что ж, раз все получилось громко, можно и похулиганить. В саперном инструменте, аккуратно сложенном в двуколке, находим топоры – и двое бойцов убегают рубить тросы у того берега. То, что они стальные, значения не имеет. Топорики все равно одноразовые, нам ими больше не работать. Хотя один целый можно было бы прихватизировать на всякий случай.

Стук в тумане прекращается, понтоны двигаются, увлекаемые течением, на нашем берегу растяжки натянуты, как струны. Несколько ударов, трос со звоном лопается... Еще пару раз... Мостики неторопливо скрываются в тумане. На досуге можно будет погадать по примеру русского классика, доплывут они до Балтики или где-то на Висле притормозятся. Уходим по дороге в ночную тьму навстречу начинающемуся восходу, унося в качестве трофеев помимо топорика пяток тротильных шашек, с десятков гранат-колотушек и два электрических фонарика, хозяйственно припасенных германскими саперами...

Далеко от переправы уйти не удалось. Прошагали версты три-четыре, как передовой дозор посигналил очень вовремя пригодившимися фонариками «Стоп». Дублирую: «Группа, стой». Даже без объяснения прибежавшего бойца слышу вдалеке шум. Скорее всего, от автомобилей. Вся компания ссыпается в придорожные кусты и затихает.

Очень скоро вдалеке на повороте взблескивают огоньки, а спустя еще немного времени мимо нас проезжают одна за другой четыре груженные машины. И груженные, как успел рассмотреть в свете фар, гансами в полной боевой готовности. Предпоследний «пепелац» везет даже 08-й МГ. И направляется эта развеселая компания напрямик к переправе. А вот это уже не есть гут. В ночных передвижениях немцы до сих пор замечены не были, так что очень вероятно, что кто-то услышал выстрелы на переправе и объявил тревогу. Вот небольшая кучка в сотню германских рыл и едет проверить, что же там случилось. И то, что они увидят, им явно не понравится. Значит, нужно как можно быстрее уходить отсюда, усилив тыловой дозор и подыскивая надежное место для дневки.

Проходим еще около версты, потом встающий над горизонтом алый диск солнца начинает слепить глаза. Все, стоп. Пора сворачивать в лес, искать укромное местечко и становиться на отдых до вечера. Поплутав немного, находим небольшую поляну, на краю которой растет береза, способная спрятать добрую половину нашей компании. Ствол дерева года три назад сломался под тяжестью упавшей сверху старшей сестры, в свою очередь не выдержавшей, наверное, ураганного ветра. Теперь она так и продолжает опираться на младшую, постепенно засыхая. Из-за того, что путь вверх был закрыт, ветви стали расти вширь и теперь кое-где свешивались аж до земли, образуя своеобразный шатер. Выставив охранение, всех остальных загоняя под дерево отсыпаться. Впрочем, два раза приглашать не пришлось.

Медсестричка, не привыкшая к подобным променадам и хлебнувшая экстрима этой ночью, заснула как бы не раньше, чем расшнуровала ботинки. Свернувшись калачиком на нарубленном неподалеку лапнике, да так и замерла. Ее, уже спящую, накрыл своей шинелью запасливый Матвей Синельников, прежде чем сам отрубился. Остальные офицеры тоже недолго боролись с объятиями Морфея, да и бойцы, свободные от дежурства, помня старую солдатскую привычку дрыхнуть, как только выпадет возможность, быстро последовали их примеру.

Унтер, командовавший дежурной «пятеркой», заверил, что ночью он отлично выспался и отдохнул, поэтому командир может пару часов спокойно поспать. Во ранье товарищ до сих пор замечен не был, поэтому, проинструктировав еще раз на всевозможные случаи вплоть до нового Потопа и падения астероида в непосредственной близости с последующим вторжением инопланетян, отправился в укромное местечко поблизости посмотреть свой любимый сон – сериал про черного кота и рыженькую кошечку Дашу...

Глава 2

Проснулся от солнечного лучика, ярко светящего даже через сомкнутые веки. Первым делом проверил посты, которые все как один доложили, что все тихо да спокойно и ни одна живая тварь размером больше кукушки замечена не была. Ладно, пока все еще спят, подводим итоги.

За ночь в общей сложности мы успели отмотать всего верст пять-шесть от Ново-Георгиевска, что гораздо меньше одного дневного перехода. Это, значит, – раз.

С уверенностью в девяносто девять процентов можно предположить, что после наших развлечений в крепости гансы выставят заслоны на всех дорогах, дорожках и тропинках. А в дополнение к этому будут прочесывать все леса и рощи, не жалея времени и сил. А своих зольдатенов вдохновят какими-нибудь железными крестами за головы пойманных или убитых русских «бандитов», обидевших кайзера и уменьшивших поголовье германских генералов на две или три единицы. Это, значит, – два.

Совершать марши в привычном для нас темпе мы не можем, поскольку в группе четыре «пассажира». Это – три.

И из них самый проблематичный – медсестричка. Вон, до сих пор дрыхнет без задних ног, умаялась за ночь... Тут же получаю очередное доказательство материальности мыслей. Барышня, шурясь спросонья от яркого солнца, вылезает из-под березовых веток, оглядывается вокруг и, увидев неподалеку ответственного и виноватого за все бедствия в моем лице, спешит пожаловаться на тяготы и лишения походной жизни. Однако процесс протекает мирно, сопровождаясь смущенным румянцем на щеках.

– Доброго утра, точнее – дня, Анна Сергеевна! Выспались хоть немного?

– Доброго утра, Денис Анатольевич! Спасибо, в госпитале привыкла не спать по ночам... Простите... Мне очень неловко об этом спрашивать... Я могу одна отойти в лес подальше?.. Чтобы никто не видел?

Черт, чуть не забыл, теперь походный сортир будет у нас, как у Папанова на карте – «Мэ» и «Жо». Вернее, один, но посещение – по очереди.

– Да, конечно, извините, что сразу не предупредил... Егор, проводи барышню до... известного места и бегом обратно.

Ловлю дернувшегося вслед вновь засмущавшейся медсестричке казака и шепчу на ухо:

– Контроль с пяти сажен. Так, чтобы она не увидела, не услышала и не почувствовала. Потом незаметно проводишь обратно... И не приведи Господь подглядывать. Оторву сначала тое самое, потом – уши. Понял?.. Давай...

Егорка делает честные-пречестные глаза, мол, командир, как ты мог на меня такое подумать, и исчезает в кустах, догоняя охраняемую особу. Может, и зря его страшаю. Кажется, в это время человечество в массовом порядке еще не доросло до подобных извращений. Ладно, оставим эротику во всех ее проявлениях на потом, сейчас надо делами заниматься.

Пока бойцы готовят обед, бужу всех остальных. Прием пищи у нас проходит в стиле «а-ля фуршет». Меню скромное, но калорийное: холодная говядина ломтиками в виде всем уже надоевшей тушенки, тосты в качестве не менее надоевших галет и витаминный салат из уже немного огрубевшей черемши, собранной неутомонным лесовиком Семеном. Из напитков – только вода... Хотя вот тут я, кажется, немного ошибаюсь. Николай Бер достает свою фляжку и, радостно улыбаясь, во всеуслышание задает идиотский вопрос:

– Господа офицеры, не желаете ли хлопнуть по рюмашке?

В ответ получает испепеляющий взгляд от меня (убью гаденыша!), недоуменные – от бойцов (чей-то с их благородием, не заболел ли часом?), и наконец, осуждающие – от остальных (нашел, дурак, время!).

– Николенька, тебе не кажется, что сейчас не совсем подходящий момент для пикника? – Димитр одаривает своего коллегу издевательски-ледяной улыбкой. – Мы еще не так далеко ушли от Ново-Георгиевска, чтобы считать себя в безопасности. И, вообще-то, здесь командует Денис Анатольевич, так что решать ему.

– Давайте, Николай Павлович, сделаем так: сейчас отдаете водку, или что там у вас во фляге, Анне Сергеевне для медицинских целей, а когда выйдем к своим, я вам ее верну, да еще сверху проставлюсь...

Конец фразы был заглушен тархтеньем в небе, и одновременно с моим воплем «Воздух! Под деревья! Живо!» над поляной на небольшой высоте проплывает дирижабль. Движки набирают обороты, цеппелин отворачивает с набором высоты, целенаправленно уходя прочь. Бл...! Твою ж дивизию!..

Как дважды два не складывай, все равно будет четыре... Гансы ведут поиски даже с помощью всяких пернатолетающих. Ну так, немудрено – горе-то какое. Сейчас эта «колбаса» долетит до ближайшего гарнизона или заслона на дороге и сбросит вымпел с указанием места, где видел русских. А затем последует прочесывание этого лесочка. Колбасники улетели на северо-запад, значит, по логике мы должны убегать на восток. Где нас уже будут ждать... А мы попробуем по-другому...

Трех минут хватило, чтобы группа была готова к движению. Уходим обратно к дороге, причем в довольно хорошем темпе. Даже наша барышня старается, держит темп. Хотя глаза от страха круглые и бессмысленные. Пару раз, оборачиваясь, ловлю недоуменные взгляды офицеров, потом Стефанова прорывает:

– Почему... Мы сюда?.. Надо на восток!

– Вот и германцы так подумают... Надеюсь...

Шоссе перескочили быстро и благополучно, гансов пока не наблюдается. Отходим на сотню шагов, команду привал. Пусть «пассажиры» переведут дух. Двадцать минут бега по лесу – то еще удовольствие. Для них... А пока приходят в себя, мы прогуляемся к дороге, посмотрим, кто, куда и когда там поедет...

Ждать пришлось недолго. Не сказать, чтоб движение было интенсивным, но за полчаса прошла пешая колонна размером около роты и проскрипели мимо два конных обоза. Может, все и обойдется?.. Нет, не угадал. Из-за поворота на четвертой скорости вылетает полуэскадрон драгун и, быстро спешившись, растягивается в цепь и исчезает в лесу. На виду остаются только коноводы с лошадьми. Но и их для нас будет много – человек двадцать – тридцать, не меньше. Значит, остается одно – уйти по-английски, не прощаясь. Причем, как можно дальше, потому как гансы закончат с этим лесом и примутся за другой...

Днем по лесу передвигаться гораздо удобнее, но очень уж небезопасно. За каждым поваленным деревом мерещится кто-нибудь. Начиная с польских кабанов и медведей и заканчивая немецкими пулеметчиками. Чисто на подсознательном уровне, потому, что в головном дозоре – Семен с Гордеем, для которых лес – дом родной, никто и ничего мимо незамеченным не проскочит. Но все равно шагаем насторожившись. От дороги ушли уже достаточно далеко, делаем еще привал-пятиминутку, видя, что наши «гости» опять выдыхаются. Особенно жалко медсестричку, ей достается больше всех. Но ведь идет, не отстает, не жалуется и не плачет. Сильная девчонка. Правду говорят: есть женщины в русских... госпиталях. И мужчины рядом с ними. Стефанов подсаживается к нашей барышне, достает из кармана, насколько вижу, маленькую плитку шоколада и, настойчиво уговаривая, заставляет ее съесть пару кусочков. И это – правильно. Во-первых, придаст сил, во-вторых, эндорфины никто не отменял.

Справа бесшумно подходит Гордей и присаживается рядом. Он с Семеном тоже недавно заслужил право называться «Первым составом» (а стрельбой в крепости это подтвердил), но позывного получать не захотел, остался как есть, Гордеем.

– Командир, мы тут с Семой прошлись дальше, там березняк кончается. Ручеек течет махонький, а через поляну хороший ельник стоит. Деревья взрослые, укрыться всем можно будет. И отдохнем, и повечереем горяченьким.

– А если гансы к нам на чаепитие пожалуют?

– Не, там елки забором стоят, запах не выпустят. И дыма видно не будет... Я-то ж не за себя, мы-то – ко всему привычные. Глянь вон на афицериков да на барышню ихнюю. Им бы хучь раз в день горяченького посёрбовать надобно.

– Ну, добро, води, показывай...

* * *

Ельник действительно можно было назвать роскошным. Рослые темно-зеленые красавицы тянутся в небо своими верхушками, отставив вниз тяжелые нижние лапы. Даже с нескольких шагов кажутся сплошной стеной, непроницаемой для посторонних. Гордей оттягивает в сторону живые «шторы», и образуется проход внутрь. Нырять туда... и оказываюсь в каком-то сказочном Берендеевом царстве. Внутри неровного круга-стены елей лежит уютная полянка... Гордей отгибает нижние ветки одного из деревьев и показывает мне почти готовое лежбище-спальник, созданное самой природой. Толстый слой сухой прошлогодней хвои будет прекрасной периной, само дерево играет роль стен и крыши. Да уж, лучше места не найти. И гансы незаметно не подберутся...

Через десять минут все обустривают себе места для отдыха по два-три человека в зависимости от размеров елок. Единственное персональное место отдано Анне Сергеевне, которая, невзирая на явно видимую усталость, помогает сибирякам готовить «чаепитие». А я тем временем зову командиров групп на постановку задач.

– Значит так, братцы. Нужно гансам немного голову поморочить. Поэтому твоя «пятерка», Клим, сегодня в охране, а ты, Петр Игнатьич, берешь своих молодцов и – смотри в карту – быстренько двигаетесь вот на эту дорогу. Там немного пошумите, чтобы германцы решили, что мы идем в том направлении, – и обратно сюда. Двух-трех обстрелов обозов, думаю, будет достаточно. Подкрались, несколько раз стрельнули, желательно во всяких там начальников, и, не дожидаясь ответки, – в лес. Ну да сам все знаешь, не мне тебя учить. Сейчас – начало четвертого, вернуться сюда к семи вечера, не позже. Держи часы. Задачу понял?... Выполняй...

Группа вернулась раньше, и, пока медсестренка готовилась напоить чаем проголодавшихся, по ее мнению, бойцов, унтер Игнатьич доложил о выполненной работе:

– Как и было говорено, вышли вот сюды. – Палец с пожелтевшим от табака ногтем неторопливо скользит по карте. – Прошли кромкой леса, наткнулись на стоящий обоз. Ужинала немчура. Ну, мы волчий хор и изобразили. Лошадки – на дыбы, повсюду переполох. Сделали под шумок по паре выстрелов и ушли дальше. Потом вот здесь, на повороте, в засаду сели. Дождались афтамобила, небольшого, в котором какие-то офицеры ехали. Разок по ним выстрелили, и опять в кусты. А на обратном пути, когда вот туточки через дорогу перескакивать решили, видим – едут ешо машины, тока грузовые. Хотели пропустить, да недалеко от лежки один и сломался. Гансы там чегой-то покрячали, затем все уехали, а шофер енто остался внутри ковыряться. А чтоб ему веселей было, начальник ихний, видать, ефрейтора в компанию оставил. Ну, мы отошли шагов на сотню и переползли незаметно... Они, наверное, до сих пор там торчат.

– Добро, Игнатьич. Иди, чаевничай, а то кипятки весь выдут. А я посижу, подумаю.

Так, унтер, хитрюга известный, интересную идею подкинул. Вместо того чтобы красться лесом по ночам, на машине покататься... Идея заманчивая, но и опасная. Внаглую, когда по дороге еще гансы туда-сюда ходят и ездят, устроить автопробег инкогнито. В крайнем случае,

возьму грех на душу, переоденусь в германскую форму, хоть это пока и не по правилам. Если повезет, никто не узнает, а если – нет... То мне лично будет уже все равно... Надо бы сбегать туда, посмотреть что с машиной. По словам командира группы, до них – две версты будет, если напрямую по лесу. А там, в зависимости от обстановки, будем принимать решение. В конце концов, лучше плохо ехать, чем хорошо идти...

Пусть господа офицеры недовольно кривятся, но оставляю за себя старшим Зингера, объявляю готовность к выдвижению и с двумя бойцами, назначенными Игнатычем, бегу смотреть на место ДТП...

Глава 3

Находим его достаточно быстро, гансы сами себя обнаруживают. Ефрейтор, оставшийся за старшего машины, помогал бедному водиле, пока тот копался под капотом, как мог. Голосом. Сидя на подножке и время от времени пуская дымок из короткой трубки, этот боров, не смолкая, давал очень нелестную характеристику своему подчиненному. Лежа в кювете в пяти метрах от них, аж заслушался этого цицерона. Не так стоишь, не так свистишь, как тебя только подпустили к автомобилю, лучше бы ты в детстве сломал себе шею и не позорил бы сейчас доблестные войска кайзера, даже пьяный русский медведь уже отремонтировал бы мотор, потому что у него мозгов побольше, чем у тебя под фуражкой... Ну и в том же духе.

Ну, русских медведей мы вам устроим, только чуть позже, когда авто отремонтируете... Оп-па, а похоже, этот миг сейчас наступит. Водила вылезает наружу, бросает на ефрейтора такой испепеляющий взгляд, пользуясь тем, что тот отвернулся, что я начинаю опасаться, как бы кабина не загорелась. Берется за «кривой стартер» и пытается завести чудо немецкого автопрома. И, что характерно, после четвертой попытки ему это удастся. Движок пару раз чихает, потом уверенно держит обороты... Пора!.. Хлопаю по плечу правого бойца, показываю на шофера и вылетаю на дорогу прямо перед ошарашенным оратором. Удар с ноги в солнечное сплетение – немец, позабыв обо всем, сгибается, нож входит между шеей и ключицей. Водитель, спустя секунду, падает перед колесами со сломанной шеей. Вытираем клинок, прячем в сапог, выключаем двигатель, трупы оттаскиваем подальше от дороги, закидываем ветками...

Отправляю посыльного в лагерь с наказом: «Срочно сюда, попутку поймал». Пока добегит, пока все здесь появятся, с полчаса пройдет. Значит, будем играть спектакль, если на дороге кто-нибудь нарисует. Переодеваться полностью не стал, кое-как натянул поверх формы ефрейторский китель, благо, предыдущий владелец был на десяток килограммов пошире, да на голову нацепил противопыльные очки. Оружие на изготовку, второй боец страхует из кустов, ждем-с.

Время пролетает незаметно, из кустов слышится знакомый «чирик», появляются запыхавшиеся «пассажиры» в окружении бойцов, двое из которых тут же убегают за полсотни шагов к повороту в тыловое охранение. Народ начинает выкидывать из кузова какие-то тюки и ящики. Ну, это они и без меня справятся, иду заводить машину. Получается со второй попытки. Кузов уже освободили, можно грузиться... И в этот момент слышится «Тревога!» Пистолет прыгает в руку, ломлюсь к заднему борту. От поворота по обочинам несутся бойцы, а за ними появляются трое гансов на велосипедах. Самокатчики! Устроили, бл..., себе тут Турде-Франс! Какой леший вас сюда принес так не вовремя!.. Сибиряки почти синхронно садятся на колесо, прячась за скинутыми ящиками, винтовки уже у плеча. Три выстрела сливаются в очередь, на дороге появляется небольшая куча велосипедов и их мертвых владельцев. Половина группы уже в кузове, помогает забираться оставшимся... И начинаются неприятности.

Из-за поворота появляется следующая порция немцев, только теперь их уже с десяток, и они готовы к бою! Кинув байки на дорогу, они грамотно рассыпаются за импровизированной баррикадой из тел своих камрадов и открывают огонь... В ответ работают снайперки, и к ним с другой обочины присоединяется «мадсен» Зингера. Остальные, подбадриваемые моими воплями, очень шустро грузятся в машину. И тут же у нас появляется очень большая проблема... Матвей Синельников, уже забросивший в кузов «сидор» с пожитками, получает пулю в бедро и оседает вниз на дорогу. Пытается подняться, цепляясь руками за задний борт, но не может. Штанина быстро пропитывается кровью, по земле начинает растекаться вишнево-красная лужица, быстро увеличиваясь в размерах.

Ёпрст!.. Твою мать!.. В два шага оказываюсь возле него, хватаю под мышки, приподнимаю навстречу тянущимся из кузова рукам. Ору: «Жгут наложите!» Его втаскивают внутрь,

рядом уже Егор, срывающий с себя ремень, и медсестричка с бинтами в руках. Рядом с ними появляется еще один «мадсен», начинающий огнем прикрывать снайперов и Андрейку, которые лезут в кузов. Вроде все. Бросаюсь к кабине. Педаль, рычаг, педаль, газ. Машина с ревом трогается с места, ускоряясь изо всех сил... Ну, давай, родная, давай, жми!.. Сзади сквозь шум мотора стучит пулемет, отсекая преследователей... Педаль, скорость, педаль, газ... Даже если кинутся догонять, ничего не получится. Мы уже выжимаем километров двадцать в час и еще прибавим. Хорошо, что дорога более-менее укатана, не так сильно трясет. Выстрелы сзади больше не слышны, значит, оторвались. Теперь главное – укатить подальше от этого места, пока немцы не очухались и не организовали погоню. Будем двигаться, пока хватит горючки...

Через несколько верст торможу машину и бегу смотреть, как там дела в кузове. Дела оказываются не очень. Двое раненых. Но если моего бойца только задело по касательной в плечо, то с Матвеем все гораздо серьезней. Лежит на подстеленных шинелях, белый как мел, губы прикушены. Нога перетянута ремнем, на ране – повязка. Рядом медсестричка пытается посчитать пульс, держа его за руку. Потом поднимает на меня глаза и спокойно, деловито сообщает:

– Ранение сквозное, но пуля прошла, видимо, очень близко к кости. Перелома нет, но может быть трещина. Пульс учащенный... Ему должно быть больно, а он не стонет... Только губы кусает. А обезболивающего нет...

– Как это нет?.. Николай Павлович, будьте так добры, дайте вашу флягу. В ней водка?

– Коньяк! – Бер лихорадочно пытается отстегнуть посудину, наконец ему это удается, и он протягивает ее мне.

– Матвей, вы меня слышите? Сделайте три-четыре хороших глотка, считайте, что это лекарство... Мы сейчас поедem, будет трясти, но надо потерпеть. Я постараюсь вести автомобиль аккуратно.

Анна Сергеевна приподнимает голову Синельникова, подносит горлышко к его губам. Прапор глотает через силу, затем закашливается, пытаясь отдышаться. Придя в себя, слабо улыбается и извиняюще просит:

– Мне бы... Папиросу... Если можно...

Пока Бер нервно шарит по карманам, Стефанов достает из портсигара требуемое, протягивает Матвею и щелкает пижонской зажигалкой. Не докуренная и до половины папироса выпадает из ослабших пальцев, Синельников расслабляется, глаза полузакрыты, на губах даже подобие улыбки:

– Почти, как во Франции... Перед гильотиной...

Ну, про ампутацию пока думать не будем, а вот после ранения и болевого шока граммов сто пятьдесят чего-нибудь крепкого, да закусить папироской, – лучше анестезии не придумаешь...

Часа через полтора останавливаюсь. Скоро совсем стемнеет, надо зажечь фонари. Да и ехать на автомобиле со слабой пародией на амортизаторы, без гидроусилителя, да по грунтовке, предназначенной для повозок, – удовольствие еще то! Очень хорошее упражнение для мышц спины и плечевого пояса, никакой качалки не надо. Одно радует – дорога безлюдна. Специально на нее и свернули, чтобы не встречаться ни с кем. Первым делом заглядываю в кузов.

– Анна Сергеевна, ослабьте жгут на полминуты, надо восстановить кровоток в ноге. Иначе возможно омертвление тканей.

– Да, конечно, сейчас. Мы долго стоять будем? Я бы хотела повязку поменять. – Медсестричка начинает распускать ремень у Матвея на ноге. – А откуда у вас такие познания в медицине?

– Пришлось в госпитале поваляться, знакомый доктор рассказывал. Делайте перевязку. Клим, выставляй охранение. Мне минут двадцать с фарами повозиться надо.

М-да, это вам не подрулевым переключателем щелкнуть. Находим жестяную коробочку с карбидом, засыпаем, заливаем водой, закрываем, ждем. Потом помаленьку открываем вен-

тиль, подносим спичку, пытаемся отрегулировать яркость. Потом то же самое делаем со второй фарой. Хорошо, опыт уже есть. А первые разы боялся, как бы не рвануло. И не без основания – детские дворовые шалости с карбидом помню очень даже хорошо... Ну, вот теперь мы – с освещением. Осталось вылить в бак остатки бензина из канистры, и можно ехать дальше. Пока либо горючка, либо дорога не кончится. Синельникова уже перевязали, можно трогаться...

Наше авторалли закончилось быстрее, чем предполагал. Еще с полчаса вел машину, стараясь разобрать дорогу в смутном свете фар, пока по кабине не постучали. Останавливаюсь, чтобы узнать, что случилось. Бер со Стефановым объясняют, что далеко сзади и немного левее только что был виден яркий вертикальный луч света, который погас через несколько секунд. Так, плохо дело. Скорее всего, дирижабли нас продолжают искать и ночью. Узнав об угнанной машине, немцы будут идти вдоль дорог, подсвечивая прожектором все подозрительные места. Пока рассуждаю, луч появляется вновь, пока что далеко, но ключевое слово здесь – «пока». Скорость у «колбасы» побольше нашей будет. Отсвет фонарей ночью виден очень даже хорошо, наведутся на раз. И подмогу по земле вызовут, в кольцо возьмут. Стучу по баку – почти пустой. Значит, надо бросать машину и дальше снова двигаться пешком.

Бойцы из нарубленных жердей и куска тента делают носилки, аккуратно перекладывают на них Синельникова. В качестве мелкой пакости портим в грузовике все, что можно испортить в темноте, сталкиваем в кювет и уходим дальше по дороге. Одна «пятерка» несет носилки с раненым, другая – в охране спереди и сзади. Через полчаса меняются местами. Стефанов и Бер идут рядом с медсестрой, пытаюсь оберегать ее в темноте.

Теперь немного порассуждаем на ходу. Если гансы и пытались выставить заслоны, исходили они из скорости пешей группы. Это значит, что сегодня, проехав на машине около сорока – пятидесяти верст, мы за кольцо оцепления, скорее всего, вышли и имеем фору по времени. Даже если обнаружена пропажа автомобиля, немцам нужно будет время на создание нового заслона. Учитывая, что здесь относительно глубокий тыл, этот процесс займет какое-то время. Значит, будем двигаться дальше, но уже днем, учитывая раненого на носилках...

Ход мыслей прерывается сдавленным «Ой» и неясной возней в темноте. Подхожу ближе и понимаю, что планировать и фантазировать можно хоть до посинения, а реальность иногда живет по своим законам. Твою ж!.. Б...!.. Ё...!.. На этом все матерные мысли быстро кончаются. Анна Сергеевна сидит на земле, обхватив обеими руками правый голеностоп.

– Я, кажется, ногу подвернула. – Голос виноватый и растерянный, чувствуется, что еще немного и расплечется то ли от боли, то ли от обиды на саму себя.

Так, похоже, сегодня мы уже никуда не идем. Кроме, как в поисках места для ночевки.

– Анна Сергеевна, ногу чувствуете? Где болит? Двигать ей можете? – Надо загрузить ее вопросами, чтобы не сорвалась в истерику. – Сейчас больно?.. Нет?.. Давайте попробуем встать.

Стефанов и Бер помогают ей подняться, поддерживая под локти. Вроде стоит, правда, опираясь на помощников. Дай бог, чтобы это было растяжение или вывих! О переломе и думать не хочу! Ну, вот, делаем шажок, другой...

– Наступать больно, но кости, кажется, целы. – Медсестренка потихоньку приходит в себя и виновато добавляет: – Только идти сама не смогу...

Понятно... Зову своих «артельщиков» и ставлю задачу:

– Значит так, братцы. Нужно найти место для ночлега. Там пересидим до утра и будем искать лежбище понадежней. Задача ясна?

Молча кивнув, сибиряки растворяются во тьме. Надеюсь, что не подведут. А пока всех остальных с дороги – в кусты, и ждем. Придется еще на денек задержаться, пока наша барышня ходить сможет. Нет, можно, конечно, и двоих тащить, вон, господ офицеров приставлю к ней носильщиками, но это – на крайний случай. К тому же сейчас бесполезно, а вот с утра надо

будет Синельникова глянуть. Вот с ним-то точно задерживаться никак нельзя. Даже если ранение мягких тканей, то все равно – большая кровопотеря и риск инфицирования.

Далее, с утра проверить остаток продуктов. И, скорее всего, отправлять народ на охоту за консервами. Вскоре появляются Семен с Гордеем, которые нашли подходящую полянку неподалеку, и мы отправляемся на ночлег...

Утром, дождавшись рассвета, узнаю, как дела у Матвея и Анны.

Мадемуазель уже оказала себе первую помощь, туго забинтовав ногу и обмотав ее куском брезента. Сейчас сидит возле Синельникова, который, по ее словам, часа три назад сумел заснуть, глотнув очередную дозу коньяка. Прапор спит беспокойно, лицо, белое от потери крови и покрытое пробивающейся щетиной, выглядит изможденным.

– Денис Анатольевич. Пусть он поспит еще немного. – Она трет покрасневшие от бессонной ночи и пережитых приключений глаза. – Когда проснется, я сделаю ему перевязку. Только вот бинтов почти совсем не осталось... Как же мы теперь пробираться будем? Матюша ранен, да и я, раззява, всех подвела... Извините меня, если можете...

Вот только самокопаний с переходом в тяжелую меланхолию мне тут не хватало для полного счастья. Где ж я столько коньячного антидепрессанта найду?

– Анна Сергеевна, извиняться не за что. Вы ни в чем не виноваты, такое может случиться с каждым. Все под Богом ходим. Надо будет – на руках донесем. Или выкрадем из какого-нибудь госпиталя самого лучшего хирурга, и я смогу найти для него очень убедительные доказательства, что его здоровье полностью зависит от вашего с Матвеем состояния.

– Все равно, очень тяжело чувствовать себя никчемной обузой. – Она слабо улыбается. – И не шутите так, от ваших слов веет кровожадностью.

– А кто сказал слово «обуза»? Вы – единственный медик в отряде, ухаживаете за раненым. Так что не изводите себя ненужными раздумьями. Мы скоро переберемся в другое место, понадежней. Там и будем думать, как дальше быть. Извините, я вас покину, пойду проверю посты...

А пока буду проверять, дождусь Семена с Гордеем, которые, едва начало светать, ушли на поиски места для дневки поспокойней и подальше отсюда. По дороге меня перехватывает Стефанов.

– Денис Анатольевич, могу я с вами переговорить?

– Конечно, слушаю вас внимательно, Димитр Любомирович.

– Мы тут с Николаем поговорили... Не хотим быть обузой в отряде. С вашими солдатами нам, конечно, не сравниться, но... Взять на себя заботу об Анне Сергеевне нам вполне по силам. Мы даже придумали, как сможем ее нести вдвоем. Или можем подменять солдат на носилках, если возникнет к тому необходимость...

Во как, и уговаривать не надо. Это хорошо, что они такие сознательные. Особенно в отношении барышни. И у меня одной головной болью меньше. Только вот слово «обуза» слишком часто повторяется сегодня утром. Они что, думают, что мы их бросим и уйдем? Ага, щ-щас!

– Возражать не буду, весьма вам благодарен за помощь. Но поговорите с Анной Сергеевной, вдруг она будет против...

Разговор прерывает появление лесовиков-разведчиков. Судя по довольным лицам, нашли подходящее место.

– Есть подходящее местечко в паре верст отсюда. Там, как идти, сначала низинка будет, рощицу небольшую окружает. – Семен довольно ухмыляется. – С виду болото болотом, но пробраться можно. Там и спрячемся.

– Добро, сейчас снимаемся и уходим...

Глава 4

Поездка в Лодзь, где находился ближайший госпиталь, прошла без особых происшествий, если только не считать за таковые несколько синяков и шишек, которые добавились к перечню телесных повреждений, полученных егерями в бою с русскими партизанами. Невзирая на все старания водителя, предусмотрительно пытавшегося объехать все явные и скрытые рытвины, российская дорога, или, точнее говоря, явление природы, условно именуемое оной, в очередной раз показала свой крутой нрав и не совсем хорошее отношение к солдатам кайзера. И если пострадавшие не смогли облечь свои впечатления в соответствующие словесные формы, относящиеся к нецензурной разновидности немецкого языка, то это объяснялось вовсе не их воспитанностью, а желанием спасти язык, который все время норовил попасть между зубами.

И только два пассажира никак не реагировали на превратности пути. Фон Штайнберг по-прежнему находился за границей реального мира, а асистенцарцт Вальтрауб сосредоточился на оценке состояния своего пациента, пытаясь отследить температуру, прикладывая ладонь ко лбу и периодически измеряя пульс. В госпитале, пока остальными ранеными занимались санитары, носилки с гауптманом занесли в комнату средних размеров, которую громко именовали «диагностическим отделением».

Доктора волновали мелкие осколки, которые могли остаться в глубине раны и вызвать нагноения, и поэтому рентгеновский снимок был просто необходим. В «отделении» размещался портативный аппарат Siemens-Halske, электрический кабель от которого тянулся за окно к динамо-машине, состыкованной с небольшим бензиновым двигателем, установленным в сарайчике. Повинуясь отрывистой команде доктора, уже далеко не молодой санитар, облаченный в замасленную спецовку, запустил свою полевую электростанцию. Выдав несколько холостых «выстрелов», двигатель весело затрещал, и сеанс диагностики начался...

Впоследствии фон Штайнберг практически ничего не смог вспомнить о неделе, проведенной в полевом госпитале. Русская, а, если быть абсолютно точным, германская пуля, выпущенная из германского же Маузера-98, не только оставила свой след в виде шрама на лбу, но и основательно контузила гауптмана. Впрочем, периодические потери сознания позволили не почувствовать страдания, неизбежно сопровождающие перевязки и обработку ран. Более или менее барон пришел в себя в санитарном эшелоне, увозившем его в один из лучших военных госпиталей фатерлянда – Beelitz, находящийся недалеко от Берлина. Гауптман и не подозревал, что окончательный выбор конечного пункта был сделан не только, а точнее – не столько эскулапами. Например, госпиталь в городе Ольденбург, что в Нижней Саксонии, ведущий свою более чем вековую родословную от известной клиники, вполне мог поставить его если не на крыло, то, во всяком случае, на ноги. Но судьбой барона озаботился его «крестный отец» из разведотдела майор Хельмут фон Тельхейм, имевший на гауптмана далеко идущие планы, до которого успел дойти рапорт обер-лейтенанта Майера. Несколько своевременно сделанных телефонных звонков, продублированных телеграфными сообщениями, мгновенно перевели фон Штайнберга в разряд особо привилегированных пациентов. Это выразилось в личном визите начальника санитарного поезда и назойливой опеке санитаров, которые первоначально даже пытались воспрепятствовать гауптману самостоятельно отправлять естественные потребности, советуя воспользоваться услугами некоего Штампке, имевшего опыт работы с уткой еще с франко-прусской войны.

Вся эта кутерьма, усугубленная тряской, скученностью и жарой, отнюдь не способствовала улучшению настроения барона, а, напротив, провоцировала сильные головные боли. Внесла свою лепту и раненая рука, которая немедленно отзывалась болью при попытке хоть немного пошевелить пальцами. Да и температура как будто бы решила подвергнуть своего

хозяина кузнечной закалке – фон Штайнберга бросало то в жар, то в холод. По ночам мучили кошмары. Во снах недавние события причудливо переплетались с ужасами, талантливо описанными великим Андерсеном и красочно, в лицах, озвученными долгими вечерами заботливой няней в далеком детстве.

В итоге, прибытие поезда в Берлин было воспринято им как долгожданное спасение. После непродолжительной поездки на санитарном автомобиле гауптман попал в уютную палату, которая больше напоминала номер в первоклассном пансионе и разместилась в одноэтажном здании среди парка. Проспав почти двадцать часов и проснувшись от негромких трелей птиц за открытым окном, в которое вливался чистейший воздух, настоящий на ароматах трав и цветов, он смог почувствовать себя если не в раю, то, во всяком случае, в его земном филиале.

В первую очередь, врачи занялись раненой рукой. В это время в Германии уже был учрежден Имперский антигангренозный комитет и лучшие умы искали пути борьбы с этим страшным и, увы, распространенным злом. В данном случае, рукой барона занялся лично Альберт Вольф, являвшийся одним из пионеров озонотерапии.

В течение нескольких дней состояние фон Штайнберга значительно улучшилось, и он стал более спокойно и с интересом осматривать окружающий его мир и людей.

Особенно приятно было видеть рядом с собой по-настоящему обаятельных и доброжелательных сестер милосердия, а для мужчины, вырвавшегося с фронта, это чувство удваивалось. Тем более что администрация госпиталя в подборе данной категории медперсонала неизменно руководствовалась требованиями, давно выработанными профессором Альбертом Гоффе: «Сестра милосердия, прежде всего, должна чувствовать призвание к своему делу; иметь ровный, спокойный характер и врожденный такт; любить порядок, быть правдивой и, наконец, человеком надежным. Сестра должна обладать наблюдательностью, сообразительностью, ловкостью, опрятностью и не быть брезгливой. Она должна уметь поставить себя и снискать уважение больного и его окружающих, но без надменности. Она всегда должна быть одинаково приветливой».

В комнате, где разместился барон, стоял небольшой книжный шкаф, содержимое которого говорило о хорошем вкусе того, кто подбирал книги. В основном это были исторические и приключенческие романы. Причем фон Штайнберг был готов поклясться, что в первый день появления в палате шкаф был пуст. Подойдя к полкам, гауптман неуклюже, действуя только здоровой рукой, попытался достать наудачу один из томиков. Но книги стояли настолько плотно, что пальцы просто соскальзывали с переплета. После третьей или четвертой попытки фон Штайнберг негромко выругался и решил сменить цель. На самой нижней полке поверх общей шеренги, чуть выступая над корешками своих «коллег», лежал одинокий том. Барон наклонился, вытянул его, но тут болезненными молоточками в висках напомнила о себе контузия, и книга хлопнулась на пол. Почти одновременно с этим раздался деликатный стук в дверь, и в комнату вошла одна из сестер.

Фройляйн Грета, так звали эту миниатюрную, очаровательную уроженку Эльзаса, чьи черные волосы смотрелись особенно неотразимо на фоне белого форменного чепца и передника, вежливо поздоровалась, подняла упавший фолиант и, заметив, что: «Господин барон еще не полностью владеет правой рукой», предложила почитать ему вслух. Взглянув на обложку, она одобритительно улыбнулась и продолжила:

– У вас прекрасный вкус, герр фон Штайнберг. Это же роман самого графа Льва Толстого «Война и мир» в переводе фон Глюмера и Левенфельда.

Гауптман, как и многие военные, был равнодушен к романам, за исключением, пожалуй, произведений Вальтера Скотта, но ему было приятно общество красивой, молодой женщины. Чуть прикрыв глаза, он наслаждался её приятным голосом, ароматом духов, который ненавязчиво, но постоянно заставлял трепетать его ноздри и появляться игривым и соблазнитель-

ным образам в голове. Фон Штайнберг теперь хорошо понимал испанских идадьго, которые обладали искусством, увидев носок туфельки юной прелестницы в строгом, до земли, платье и обменявшись парой невинных слов в присутствии почтенной дуэньи, домыслить всё остальное и при этом почти никогда не ошибиться...

Неожиданно он встрепенулся, уловив ее слова:

– «Представим себе двух людей, вышедших на поединок со шпагами по всем правилам фехтовального искусства. Фехтование продолжалось довольно долгое время; вдруг один из противников, почувствовав себя раненым и поняв, что дело это – не шутка, а касается его жизни, бросил свою шпагу и, взяв первую попавшуюся дубину, начал ворочать ею. Но представим себе, что противник, так разумно употребивший лучшее и простейшее средство для достижения цели, вместе с тем воодушевленный преданиями рыцарства, захотел бы скрыть сущность дела и настаивал бы на том, что он по всем правилам искусства победил на шпагах. Можно себе представить, какая путаница и неясность произошла бы от такого описания происшедшего поединка. Фехтовальщик, требовавший борьбы по правилам искусства, были французы; его противник, бросивший шпагу и поднявший дубину, были русские. Люди, старающиеся объяснить все по правилам фехтования, – историки, которые писали об этом событии. Со времени пожара Смоленска началась война, не подходящая ни под какие прежние предания войн. Сожжение городов и деревень, отступление после сражений, удар Бородина и опять отступление, оставление и пожар Москвы, ловля мародеров, переимка транспортов, партизанская война – все это были отступления от правил. Наполеон чувствовал это, и с самого того времени, когда он в правильной позе фехтовальщика остановился в Москве и вместо шпаги противника увидел поднятую над собой дубину, он не переставал жаловаться Кутузову и императору Александру на то, что война велась противно всем правилам (как будто существовали какие-то правила для того, чтобы убивать людей). Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил, несмотря на то, что русским, высшим по положению людям, казалось почему-то стыдным драться дубиной, а хотелось по всем правилам стать в позицию *en quarte* или *en tierce*¹, сделать искусное выпадение в *prime*² и т. д., – дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднимаясь и опускаясь, гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Фон Штайнберг попросил девушку еще раз прочитать эти слова, а перед его глазами вновь возникли горящие аэропланы авиаотряда, окружившие его связанных подчиненных казаки лейтенанта Гуоффа, взорванные пути на станции и свежие холмики на немецком солдатском кладбище.

Сестра Грета с удовольствием исполнила эту просьбу, но далее насладиться обществом очаровательной чтицы помешал решительный стук в дверь, и на пороге появился начальник отдела III-b Генерального штаба майор Хельмут фон Тельхейм.

– Господин барон, рад видеть вас решительно вставшим на путь выздоровления. Я вижу, что вы снова интересуетесь радостями жизни во всех её проявлениях. Я прошу меня понять правильно, но я невольно заслушался, стоя за дверью. Фройляйн Грета – великолепный декламатор, и гениальные слова, начертанные великим Толстым, обрели зримые образы. Да и фрагмент выбран, как говорится, мастерски, не так ли, герр гауптман? Русские партизаны заставили отступать солдат самого Наполеона. Но я рекомендую вам обратить внимание еще на одну книгу. Автор тоже русский, как и Толстой, носил офицерские погоны, но в отличие от графа писал о партизанах не с чужих слов. – С этими словами майор положил на стол довольно толстую папку, на обложке которой не было ни имени автора, ни названия. – Это перевод на

¹ Четвертую, третью.

² Первую.

немецкий язык книги одного русского генерала, Денниса Дафидоффа. Заметьте, что оригинал был издан почти сто лет назад. Мне кажется, что вам будет интересно взглянуть на мысли автора через призму вашего личного боевого опыта. Отдыхайте, набирайтесь сил. Надеюсь, что вы, милая фройляйн, не оставите своими заботами раненого героя рейха? А когда врачи сочтут вас, барон, готовым к небольшому автомобильному вояжу по пригородам столицы, то я заеду за вами. Скажу на прощание только одно: вы сделали всё, что могли, и ваша деятельность высоко оценена высшим командованием. Впрочем, скоро вы сможете услышать это сами, а скорее всего, и ощутите материальное проявление на своём кителе. Честь имею, господин барон.

Майор, прощаясь, наклонил голову и, четко, по-военному развернувшись, вышел из комнаты. Сестра Грета, видя явное желание фон Штайнберга побыть наедине со своими мыслями, сослалась на необходимость провести ещё трёх пациентов и удалилась, пообещав заглянуть к господину барону через несколько часов.

И нужно сказать, что девушка выполнила своё обещание. Дело в том, что Грета фон Ритцен, как и сотни её ровесниц из дворянских семей Германии, поступила сестрой милосердия в военный госпиталь, видя в этом свой долг перед империей. Но к этому весьма благородному и возвышенному порыву добавлялся и некий практичный расчет. Год войны привел к тому, что десятки тысяч молодых мужчин уже сложили свои головы на алтарь бога войны, и угроза остаться старой девой заставила задуматься и действовать Грет, Март, Софий и иных представительниц прекрасной половины рейха. А здесь вырисовывался весьма интересный вариант – молодой аристократ, перспективный офицер, уже успевший скрестить свою шпагу с врагами, разя их и на земле и в небесах. А раны, полученные в битве... Ну, что же – мудрый Шекспир не зря вложил в уста мавра, причем тоже профессионального военного, такие вечные слова: «Она меня за муки полюбила, а я ее – за состраданье к ним». В общем, не заметить те нежные чувства, которые испытывала фройляйн к барону, мог или слепой, или сам объект любви. Мужчины, увы, бывают иногда подобны великому Гомеру, и это сходство заключается отнюдь не в литературном таланте.

А среди недостатков майора Хельмута фон Тельхейма не значилось ни слепоты, ни отсутствия наблюдательности. Опытный разведчик и знающий жизнь мужчина, оценив ситуацию, мгновенно пришел к выводу, как её можно использовать в интересах дела. Поэтому между ними ещё до прихода гауптмана в сознание состоялся следующий разговор.

– Милая фройляйн, прошу понять меня правильно, но мне показалось, вы испытываете некоторую симпатию, которую я считаю вполне оправданной, к одному из раненых офицеров – гауптману фон Штайнбергу? – Майор дождался, пока врач представит ему девушку, и выйдет. – И поверьте, мой интерес не носит праздный характер.

Фройляйн не вымолвила ни слова, но покраснев, несколько раз кивнула головой и опустила глаза вниз.

– Грета... Вы позволите мне так вас называть? Мои годы дают мне на то некоторые права, а мои две дочери по возрасту вполне годятся вам в сестры.

Фройляйн, уже успевшая взять себя в руки, кивнула и приготовилась внимательно слушать этого важного господина из Берлина.

– Видите ли, Грета, пройдет некоторое время, и предмет ваших чувств покинет стены этого госпиталя. Его снова призовет долг перед кайзером и фатерляндом. И кто знает, пересякутся ли снова ваши пути?... Знаете, как говорят наши враги французы: «А ля гер ком а ля гер», то есть «На войне как на войне». Но у вас есть возможность, не изменяя своему долгу сестры милосердия, быть рядом с бароном. И я уверен, что всё будет хорошо. Ибо вы оба заслуживаете самого большого счастья. Но есть маленький нюанс. Барон, как и ваш покорный слуга, сражается с врагами рейха на особом фронте. Если хотите, то вы можете встать в наш строй, но нам нужны женщины, сочетающие в себе не только красоту, но и ум, и не удивляй-

тесь, и немного хитрости. Впрочем, эти качества Господь щедро отпустил дочерям Евы. Вам придется для начала сдать маленький экзамен. Представьте, что вы режиссер и ставите спектакль, в котором главный герой должен взять из шкафа именно эту книгу. – Майор протянул девушке прекрасно изданный тяжелый фолиант. – А дальше, всё в ваших руках, дитя моё. Я верю в вас, милая Грета.

После беседы с гауптманом майор Хельмут фон Тельхейм уехал не сразу. Он терпеливо дождался, пока Грета закончит ассистировать доктору при перевязках вновь поступивших раненых, и, заручившись повторным разрешением врача, уединился с девушкой в ординаторской.

– Примите мои самые искренние комплименты, милая фройляйн. У вас все великолепно получилось. Поверьте, если бы не эта война, то я бы посоветовал вам сменить амплуа, и вы смогли бы украсить собой труппу Камерного или Немецкого театра Берлина. Вашей игрой мог бы гордиться даже сам Макс Рейнхардт, тем более что он также является поклонником Льва Толстого. Поздравляю, вы сдали свой экзамен... Когда герр барон окончательно оправится от ранения и сможет покинуть госпиталь, вам предстоит его сопровождать. Естественно, что перевод будет согласован, да и вашего отца мы поставим в известность, тем более что с господином гехаймратом Фридрихом фон Ритценом мне уже доводилось встречаться. И на прощание, есть еще один вопрос: не могли ли вы рекомендовать для перевода еще пять кандидатур из сестер вашего госпиталя?

Этот вопрос тоже был своеобразным экзаменом. Если девушка, заранее ревнуя своего возлюбленного, назовет в качестве претенденток почтенных матрон, то она не совсем уверена в своих силах. Но и тут фройляйн Грета показала себя с самой лучшей стороны. Немного подумав, она предложила несколько фамилий и прокомментировала свой выбор:

– Герр майор, я работаю в госпитале всего лишь полгода, но уже успела понять, что для исцеления раненых только знаний и опыта мало. Одни пациенты видят в нас своих дочерей, другие – сестер или подруг, а третьим так не хватает материнской опеки. Поэтому в моем списке есть и молодые девушки, и солидные дамы, но я все же попросила бы вас, герр майор, поговорить об этом и с нашим доктором. Уверена, что его выбор будет безошибочен.

Майор фон Тельхейм, поблагодарив девушку, спрятал список в карман кителя и, поцеловав ее руку на прощание, покинул госпиталь...

Глава 5

Низину переходили, ориентируясь только по одним сибирякам понятным приметам. Впрочем, за погранцов говорить не стану, шли привычно и спокойно. Здешние болота были не похожи на те, что помнил по Сибири. Вместо сплошного пружинящего под ногами ковра из кочек с частыми вкраплениями клюквы – редкие бугорки травы, кажущиеся бездонными провалы, заполненные черной водой, полустгнившие обломки чахлах деревьев, камышовые заросли... Но Семен уверенно провел нас на другой берег, даже не замочив ног. Выбрались на сухое место, прошли еще немного, и наконец, деревья спрятали нас внутри рощи. Вот здесь, рядом с небольшой полянкой, и сделаем дневку. Строго-настрога предупреждаю всех, чтобы не совались на открытое место и чтобы с открытым огнем были поосторожней. В смысле, разводить его могут только сибиряки-охотники, остающиеся в лагере за охранение. Их тоже инструктирую:

– Так, земляки, остаетесь здесь за хозяев. Все, что касается охраны лагеря, лежит на вас. Задача – сохранить в целости и сохранности и лагерь, и его обитателей. Мы сейчас всем составом уйдем за провизией. Если, не дай бог, конечно, гансы здесь появятся, ваша задача – их увести от дневки, помотать по лесу. Заодно и поголовье их значительно уменьшить. Понятно?

– Добро, командир. Ежели что, сыграем с ними в «лису». Замаются они за нами бегать. – Семен недобро ухмыляется.

– Что за «лиса» такая? – Меня разбирает любопытство. – Ну-ка, поподробней. И с пояснениями, пожалуйста.

– Ежели у лисицы в норе кутята, при опасности – будь то человек али зверь какой посильнее – мамка уводит его от норы. Мелькнет специально среди деревьев, мол, здесь я, и спрячется. Вот так и водит по кругу.

– Хорошо. Только не увлекайтесь уж слишком. И походите по округе, посмотрите что тут да как...

До дороги путь занял около часа, и уже примерно столько же лежим на опушке, смотрим, когда нужный обоз на дороге появится. Хоть и не сказать, чтобы движение было оживленным, но ничего подходящего пока мимо не проезжало. Промчались две автоколонны, одна – к фронту, другая – обратно. Прогарцевал мимо эскадрон по своим кавалерийским делам. Протащились четыре патронные двуколки с техзамыканием в виде полевой кухни. Так что – ждем-с и надеемся на удачу.

И она вскоре нас посещает. Сначала проходит пехотная рота, по всем признакам – маршевая, затем, через минут десять, появляется долгожданный обоз. Четыре повозки с какими-то тюками, скорее всего, с обмундированием, и пять продовольственных, судя по мешкам и знакомым уже ящикам с консервами, отлично видимым через деревянные решетки бортов. На каждом облучке рядом с возницей сидит ганс с винтовкой в качестве охраны. Итого: их – аж целых восемнадцать трайнгемайнеров, то есть солдат обоза, нас – чертова дюжина, очень злых и относительно голодных.

Першероны неторопливо тянут колымаги, не требуя особого вмешательства людей в управление. Поэтому последние либо кемарят на ходу, либо лениво болтают о чем-то своем, гансовском. Нужно притормозить первые две фуры, остальные останутся сами. Роли давно расписаны, работаем двойками. Один боец укладывает в пыль пассажиров, другой страхует и, в случае необходимости, помогает первому. Воюем ножами, стрелять разрешаю только в очень крайнем случае – немцы рядом, услышат.

Первая повозка поравнялась с камнем-маркером, команду атаку и мчусь вперед. Десять метров с низкого старта много времени не занимают. Боец-напарник заходит справа, хватает лошадей под уздцы и разворачивает упряжку поперек дороги. Растерявшийся конвойник пыта-

ется удержать равновесие на повороте, но с моей помощью ему это не удастся, и ганс слетает вниз на землю. Винтовку пнуть подальше от шаловливых ручек, удар кулаком чуть позади уха, – отдыхайте герр зольдат. Вскакиваю на передок, испуганный лошадиный водила сам спрыгивает и распластывается на земле, мол, «нихт шиссен», «кайзер капут», «их бин капитулирен» и, вообще, он весь – белый и пушистый. Подскакиваю к соседней упряжке, рывком за ноги стаскиваю толстого наглого ганса, который надумал сопротивляться. Ой, незадача-то какая! Немец, падая, головой о подножку телеги стукнулся! Счастливого пути в страну Амнезию! Запрыгиваю наверх, но возницу с другой стороны уже стаскивает один из бойцов...

Всё, обоз – наш. Игнатьич уже проводит ревизию, его «пятерка» тащит на облюбованную дойч-арбу упаковки с галетами в дополнение к консервам. Остальные бойцы, пугая до произвольных физиологических реакций, обездвигивают немцев. Методом распарывания штанов ножами спереди и сзади. Честно говоря, даже и представлять не хочу ощущения, когда отточенное железо касается кожи в... самых интимных местах организма.

Все, повозка готова, бойцы распикивают к обочинам остальные, чтобы можно было проехать. И слева раздается свист «Тревога». Заметив непонятные телодвижения на дороге, к нам спешит кавалерийский разъезд. Аж семь человек. Уже и сабли достали, орут что-то издали, наверное: «Русс! Стафайся!» Поторапливаю своих, наш транспорт уже сворачивает на просеку. А по кавалерии из кустов начинает работать Зингер. Даром, что ли, пулеметчиков по бокам в охранение поставил. Кричу Игнатьичу, чтобы уводил добычу и бойцов, жду, пока не появятся ребята с «мадсенами», и уходим в лес тыловым прикрытием...

На полпути бросаем телегу, предварительно освободив лошадей. Они-то ни в чем не виноваты, смотрят грустно, как будто спрашивают: «Когда же вы, люди, меж собой разберетесь, воевать закончите?» Дальше проходим через кустарник и углубляемся в лес. Два человека налегке в дозоре спереди и сзади, остальные, включая командира, тянут добычу. Галеты, семь ящиков с тушенкой, по дюжине банок в каждом, – на несколько суток продуктами мы запаслись.

В лагере все тихо и спокойно. Первым делом иду к Синельникову, возле которого неотступно сидит Анна. При дневном свете прапорщик выглядит лучше. Медсестричка подтверждает:

– Все в порядке, пульс и температура нормальные, перевязку сделали, рана кровоточит, но не сильно. Тут приходили ваши сибиряки, принесли запасную нательную рубашу на перевязки и две головки чеснока. Рассказали старый таежный способ: кедровую или сосновую смолу-живицу на рану прибинтовывать и воду на чесноке настаивать, потом ею промывания делать. Я осмелилась попробовать. Еще когда на сестринских курсах училась, доктор один рассказывал, что у простого люда есть своя медицина, которая с болячками зачастую лучше нас справляется. Да и у других народов тоже есть чему поучиться. Вот я при случае и собираю такие рецепты... А вот господин прапорщик напрасно пытается играть в героя и не говорит, где и когда ему больно. И не понимает, что от этого зависит и диагностика, и само лечение...

Матвей, слабо улыбаясь, обнадеживает, что больно только когда шевелишься, а так – ничего, привык. Ну, вот и лежите спокойно, юноша, да слушайте болтовню барышни для развлечения и в качестве психотерапии. А я пойду по округе пробежусь.

В поисках того, кто мне составит компанию, натываюсь на Семена. И поражаюсь его виду. Сидит под деревом, обычно цепкий и внимательный взгляд рассеян, смотрит в никуда и ковыряет засохшей веточкой землю рядом с ногой. Еще не роденовский мыслитель, но что-то общее есть.

– О чем закручинился, добрый молодец? Почто невесел, буйну голову повесил?

– Тут такое дело, командир... – Сибиряк несколько мгновений медлит, во взгляде читается сомнение, типа, говорить или не говорить, потом все же решается: – В непростое место мы попали...

– Конечно, непростое. Казармы нет, сортира нет, полосы препятствий – и то нет. – Пытаюсь его разбалагурить. – Кругом только трава и деревья...

– Пойдем-ка, покажу кой-чего. – Семен не принимает шутивого тона. – А потом наши таежные байки расскажу... И Гордея прихватить надобно, ему тоже полезно будет.

Второй сибиряк находится очень быстро, и, судя по выражению лица, он немного в теме. Что же такое вы там нашли, следопыты любознательные?... Минут через десять ходьбы перед нами открывается небольшая полянка, на краю которой растут три могучие сосны. Подходим к ним, и Семен показывает на среднюю. На стволе, на высоте человеческого роста вырублен какой-то знак. По первой ассоциации – полукруглый геральдический щит, заканчивающийся вверху не ровной линией, а четырьмя зубцами, соединенными между собой. В середине щита – перевернутая буква «А» с двумя перекладинами. Знак потемнел, линии заплыли смолой, но заметно, что его недавно подправляли. Рядом на ветвях висит несколько то ли тряпочек, то ли ленточек, вылинявших от времени и непогоды.

– Я его увидел, когда лагерь обходил, живицу собирал. Тропку еле заметную нашел, она сюда и привела.

– Семен, я, конечно, не великий знаток всех этих знаков, но на первый взгляд это – тавр, межевой знак владельца, своего рода граница между двумя угодьями.

– Командир, ты в тайгу на охоту ходил?... Нет? – Сибиряк смотрит и говорит очень даже серьезно. – Тогда не могёшь знать... Хучь верь, хучь не верь, токмо знак етый – Лесного Хозяина...

– Это, типа, лесного бога? Братцы, вы ж вроде православные, в церковь ходите.

– В церкви одно, а в тайге – другое, – вступает в разговор второй охотник. – Мне отец и дед мой сказывали, коль собрался охотник на промысел, надобно такой вот знак найти и с Хозяином побалакать.

– И о чем разговаривать? – Меня начинает разбирать любопытство. – Да и как он услышит? Вдруг – далеко?..

– С собой надобно взять посудинку с водкою да пряник какой медовый. Найти три кедров вот с таким знаком да пошариться вокруг. – Гордей старательно, как несмышленишу, объясняет ритуал. – Обязательно камушек плоский и рюмку, али стакан найдешь. Кладешь камень под знак, ставишь на него стакан и наливаешь вина, а рядом пряник примасиваешь. Опосля садишься рядом и говоришь про себя, мол, поохотиться пришел честь честью, зверя мучить не буду, тайгу разорять не буду. Дай, Хозяюшко, добычи, не скупись!.. А затем уже идешь охотиться.

– Я вот что ишшо добавлю. – Семен немного расслабляется, видно, понял, что не буду их на смех поднимать. – От старых наших артельщиков не раз слышал байки такие. Ежели кто лесной закон нарушает, ну, там, силки с капканами ставит такие, шток зверь мучился, али не в срок ту же лосиху отелую стрелнет, телка без мамки оставит на погибель, али зверя без цели бить будет, просто ради удалства, – не быть ему в тайге. Каждый раз будет кружить-блудить без толку. А то и еще похуже – в свою же ловчую яму на рожны падет аль ни с того ни с сего на сухом месте в гадючью свадьбу обеими ногами влезет...

– А так зверей, значит, убивать разрешает?

– Лесной Хозяин токмо сводит охотника и зверя. А там – у каждого своя судьба. Ежели вон тому же косолапому под лапу подвернешься, моргнуть не успеешь, как уже на том свете. Но и если одолеешь ушкуя, не позволяй ему мучиться, добей сразу.

– Ну, хорошо, убедили. Спорить не буду. А дальше что делать будем, а?

– Командир, пусти нас с Гордеем прогуляться. Вон по той тропке. – Семен показывает на густые заросли. – Мы недолго, через полчаса будем.

– Ну, добро. Но если в срок не придете, поднимаю группу и идем вас искать...

Глава 6

Сибиряки вернулись в срок, как и обещали. Только вот вышли совсем с другой стороны. И, судя по лицам, прогулка была не из особо приятных. На вопрос, чего они вокруг лагеря хороводы водили, в два очень смущенных голоса поведали, что шли, шли, потом вдруг стало страшно, потом просто вышли на место дневки.

М-да, два таежника заблудились в лесу, да еще чего-то испугались, хотя ни одного зверя не встретили. Чудеса, да и только... А вот мы сейчас вторую попытку организуем. Только теперь сам пойду с Семеном. Гордей что-то не рвется больше в лес. Не боится, а вроде как остерегается. А мы вот и посмотрим, что там к чему. Хоть и говорят, что любопытство сгубило кошку, но мы будем ну оч-чень осторожны. Пяти минут на сборы вполне хватает...

И снова мы втроем у той самой сосны. Гордей согласился нас сопровождать до этого места и будет ждать нашего возвращения. Упрямый сибиряк лезет в ближние кусты, шуршит там опавшей листвой и, наконец, с торжествующим выражением на лице, вылезает обратно, держа в руках плоский валунок-окатыш размером в ладонь.

– Вот, у корневища схован был. – Он протягивает находку Семену. – Не знал бы, – не нашел.

Игнатов обтирает камень, что-то разглядывает на поверхности, поворачивая его к свету то одной, то другой стороной, затем протягивает мне:

– Глянь-ка, командир.

На плоской поверхности камня скорее выцарапана, нежели высечена та же буква «А» с двойной перекладиной. Да, тут уже клеймом лесовладельца не отмажешься. Да и в своем, уже далеком, будущем начитался и насмотрелся всякого. Главное было – научиться отделять, так сказать, «агнцов от козлищ», которых хватало. Одно зарядание воды по телевизору чего стоило. И ведь верили! И эта вера и излечивала от болячек, выправляла судьбу, а вовсе не банки и тазики от Чумака и телесеансы от Кашпировского. Так что, опустившись на колени, со спокойной душой кладу камушек под знаком, достаю флягу Бера и выливаю оставшиеся капли шустовского в подставленную крышечку, после чего ставлю ее в центре. Семен, покопавшись в кармане, достает галету, кладет сверху заныканный кусочек сахара и помещает подношение рядышком. Несколько минут сидим молча, думая каждый о своем, затем Семен встает, шепча что-то вроде «Прими, Хозяин Тайги, не гневайся». Перед тем, как сунуться в кусты, задаю ему глупый, но важный вопрос:

– Семен, а крест нательный нужно снимать?

– Не, командир, тут главное не то, что на шее, а то, что в душе... Ну чё, пошли?..

Путь Игнатов угадывал по каким-то своим приметам, я же шел следом, не понимая, как сплошные заросли можно назвать тропинкой. В какой-то момент поймал себя на том, что в голове появились непривычные мысли. Как будто кто-то из-за каждого кустика и деревца смотрел в спину настороженным взглядом, вызывая непреодолимое желание обернуться, и шептал на ухо: «Зачем пришел?.. Уходи подобру, поздорову... Ты здесь чужой... Не место тебе здесь... Пропадешь ни за зря...» Когда миновали кусты и вышли еще к одному болоту, этот голос барабаном застучал в голове синхронно с пульсом: «Утопнешь в трясине... И следа не найдут... Беги, беги отсюда...» Захотелось кинуть все и действительно что есть мочи бежать прочь, не разбирая дороги... Где-то на краю сознания Денис Первый начинает опять тихо-тихо читать «Отче наш»... Ну уж нет!.. Ноги на ширине плеч, вдох-выдох, потом еще раз... На вдохе руки ладонями вверх поднимаются до плеч, на выдохе разворачиваются и опускаются, как будто с выходящим из легких воздухом что-то вталкивают в землю... Смотрю на Семена. Тот, покрытый капельками пота, беззвучно шепчет про себя то ли молитву, то ли наговор. Еще раз: вдох-выдох, вдох-выдох... И вдруг ощущаю – что изменилось... Как будто тесный

обруч, сжимавший голову, распался на кусочки. Нет глухого, изводящего нервы сопротивления, наоборот, появляется сначала еле ощутимое, затем все усиливающееся желание пройти, пробежать, перелететь через это болотце и встретиться с...

А с кем, собственно?.. Так, применяем старый испытанный универсальный рецепт на все случаи жизни: стиснуть зубы, сжать кулаки... Вдох-выдох, еще раз... Вот теперь – нормально. Чувствуешь себя адекватным, объективным и готовым на подвиги. Напарника моего тоже вроде отпустило. Теперь меняемся местами, мне внутренний голос подсказывает, куда нужно идти. Спрашиваю взглядом Семена: «Готов?» Он утвердительно кивает в ответ... Тогда вперед!.. Низинку переходим благополучно, выбираемся на твердый берег и шагаем дальше. Возникает ощущение, что ноги сами знают, куда ступать, несут тело к заранее определенной точке маршрута.

И эта точка появляется через четверть часа быстрой ходьбы. На очередной поляне стоит отмеченный временем, но все еще исправный и годный для жилья сруб. Почерневшие от времени бревна на «фундаменте» из замшелых валунов, крыша, крытая соломой, скорее всего в прошлом году, печная труба из серого камня, закопченная сверху, маленькое окно, обрамленное резными наличниками, с хитрым прищуром глядящее на нас... За домом виден большой сарай-сенник. И только после понимаю, что не хватает одной очень важной и привычной архитектурной детали – забора, плетня или, на худой случай, изгороди. Почему-то возникла ассоциация с избушкой на курьих ножках. Сейчас вот дверь со скрипом откроется, и выйдет навстречу Баба-Яга!.. Вопреки ожиданиям, никто не появляется. Ну, что ж, подойдем поближе, посмотрим.

М-да, и не избушка, а дом-пятистенник. Причем поставлен, насколько понимаю, правильно. Успевшая потемнеть солома на крыше прижата жердями, чтобы не унесло ветром, дверь врезана с южной стороны, с другой – к срубу примыкает навес-дровенник, плотно набитый свеженаколотыми чурками, рядом стоит колода с воткнутым топором. Обойдя дом по кругу, обтираем сапоги пучками сорванной травы и поднимаемся на двухступенчатое крыльцо... А щеколда-то сброшена, и дверь приоткрыта. Семен оглядывает окрестности сзади, а я сначала стучу по косяку, затем, не дождавшись ответа, говорю в гулкую темноту:

– День добрый, люди! Есть кто в хате?.. Войти дозволите?..

В ответ – тишина... Ну, что ж, по крайней мере не отказали, и то хорошо. Медленно и осторожно тяну ручку на себя, петли тоненько поскрипывают, дневной свет врывается внутрь, освещая сенцы, отгороженные дощатой перегородкой, на которой висит обычная плотницкая утварь типа нескольких топоров, пил, тесел, коловороты. Рядом на деревянных колышках располагаются овчинный тулуп и мохнатая шапка, напоминающая казацкую волчью папаху, внизу стоят добротные валенки, подбитые кожей, и почти новые сапоги. Пока понятно только одно: здесь кто-то живет. Ладно, идем дальше...

Следующая дверь, повторяем ритуал: «Постучать, спросить», ответ аналогичный, в смысле – никакого. Заходим внутрь, в нос ударяет сладко-пряный запах трав, в котором еле улавливается только один знакомый аромат – табака. А вот и сами травки, сушатся на двух бечевках, протянутых над печкой, которая стоит в левом от входа углу. По диагонали через комнату на стене висит божница с иконой, обрамленной вышитым рушником, под которой горит маленький огонек лампадки. В его свете мерцает тусклым золотом оклад Божьей Матери, на который Семен тут же троекратно крестится, вздохнув, как показалось, с облегчением.

Мебели – самый минимум. От печи до двери в соседнюю комнату над лавками, на которых можно спокойно разлечься, по всем стенам идут полки, заставленные горшками и горшочками разных видов и размеров. Как в том анекдоте: «Каструл, каструлла и каструльчик». В углу – чисто выскобленный стол, сколоченный из массивных досок и накрытый широким рушником вместо скатерки. Половицы, несмотря на свой возраст, тоже светятся сосновым янтарем. Поражает царящая вокруг чистота и стерильность. Почему-то возникает подспудное ощущение

ние, что мы попали к местному знахарю. Которое усиливается, когда замечаю среди всей этой посуды несколько книг и, самое удивительное, – аптекарские весы с набором гирек. Медициной здесь пахнет на все сто. То, что нам и надо, учитывая рану Синельникова. Осталось дожидаться доктора и договориться с ним о лечении...

Замечаю на одной из полок очень старую на вид деревянную шкатулку, ноги помимо воли несут к ней, протягиваю руку, чтобы открыть, но в последний момент останавливаюсь. Мало ли какие секреты и тайны хранит в ней неведомый хозяин. Не стоит лезть без спросу в чужие тайны, хлопот потом не оберешься. Да и задержались мы в доме в отсутствие хозяина, пора бы и на воздух. Окликаю Семена, выходим наружу и, не сговариваясь, садимся на бревнышко, лежащее рядом с домом и, скорее всего, служащее своеобразной скамейкой для посетителей, если здесь и вправду обитает лекарь. Сибиряк достает из кармана пачку папирос, все-таки неплохо бойцы затарились в крепости, я – свой портсигар, прикуриваем от одной спички. Табачный дым кажется очень вкусным и ароматным, блаженно и расслабленно пускаем сизосиреневые колечки вверх. А чего напрягаться, когда вокруг нет никого?.. Никого?!.. Твою дивизию!!!.. Так лопухнуться!!!!.. Бл...!!!!..

Вскакиваю, рука дергается к кобуре, но замирает на полпути. Справа в пяти шагах от нас стоит, как я понимаю, хозяин всего этого великолепия. Старик, которому на первый взгляд можно дать и семьдесят, и сто двадцать, и пятьсот лет. Начиная с какого-то момента время перестало накладывать свой отпечаток на это лицо. Стоит босиком, одет в широкие темные штаны и светлую длинную рубаху, вышитую по вороту затейливыми узорами и подпоясанную плетеным кожаным ремешком, на котором висят ножны с небольшим ножом и кожаный же мешочек-кошель. Длинная ухоженная белая борода, нос с небольшой горбинкой, прищуренные глаза под мохнатыми бровями...

Очень напоминает картину Константина Васильева «Человек с топором» («Северный орел»), только персонажу лет гораздо поболее будет. Больше всего поражает взгляд. Пронзительный аж до самых потаенных уголков сознания, мудрый и абсолютно без иронии, суровый, но справедливый. Такой взгляд мог бы быть у Морихея Уэсибы, Миямото Мусаси, а может быть, у Сергия Радонежского, Серафима Саровского... У тех, кто видел Бога, Небо, величие и безграничность Вселенной. Не в силах долго его выдержать, моргаю и опускаю взгляд. Краем глаза замечаю, что Семен замер, как библейский соляной столб, – ни звука, ни движения...

Глава 7

– Что ж вы, гости незваные, словно онемели? Молвите хоть словечко... Кто такие, откуда и куда путь держите? – Похоже, старик играет в давно ему приглянувшуюся игру. – Аль я так напугал, что дар речи потеряли?

– Подпоручик Русской армии Гуров Денис Анатольевич, честь имею... И рядовой Семен Игнатов, – представляюсь за обоих, видя, что сибиряк в прямом смысле слова лишился дара речи. – Идем к своим...

– Да, далековато вам идти придется... Ну, что ж, гости дорогие, проходите в хату, сядем за стол, потрапезничаем... Аль уже угостились в мое отсутствие?

– Спасибо за предложение. В доме уже побывали, то – правда, но ничего не тронули... Простите, как вас звать-величать прикажете? – Вежливо и дипломатично сползаем со скользкой темы и проводим разведку.

– А меня по-разному кличут. Ляхи – те паном Марцианом зовут, свои – дедом Мартьяном или Мартьянычем называют. А то и вовсе – Знахарем. Выбирай, что по душе будет...

– Дед Мартьян, а вам самому не страшно одному в лесу? Время сейчас опасное, война, мало ли что может случиться...

– А кто вам сказал, что я – один? – Старик снова смотрит на нас удивленно, потом как-то по-особому мявкает, и в ту же секунду над нашими головами пролетает рыжая молния, которая, приземлившись, превращается в громадную рысицу, смотрящую на меня неотрывным бездонным янтарным взглядом. Весь вид зверюги говорит о готовности к прыжку. Видимо, считая, что должного впечатления не произвел, кошка угрожающе шипит, демонстрируя пятисантиметровые клыки.

– Вишь, рыжий, какие у нас гости, – снова раздается насмешливый голос. – Да Рыську не опасайтесь, он у меня смирный, первым не нападет...

Ага, как говаривал один товарищ Бунша: «Меня терзают смутные сомнения». Я, конечно, не большой знаток всяких звериных языков, но мысли котэ читаются предельно ясно: «Только дайте мне повод, порву на пазлы».

– Так кто ж вы все-таки таковы? – хозяин тем временем продолжает вежливый допрос. – И сколько вас на мою голову прискакало?

– Нас около двадцати человек, и прискакали мы не к вам, повторюсь, идем на восток, к своим. Но есть одна закавыка, – захожу сразу со всех козырей, и будь что будет. – Раненый у нас... В ногу... Тяжелый... На носилках несем... Вы, как я понимаю, к медицине имеете непосредственное отношение, может быть, поможете?..

– А какой мне прок от этого? – Старик не перестает насмешливо смотреть на нас. – Впрочем... Если Рыську угостите и он вас признает, то помогу.

Семен медленно, явно преодолевая себя, двигается вперед и так же медленно протягивает лесному кошаку кусок галеты, вынутый из кармана. Зверь аккуратно обнюхивает подношение и берет с ладони сухарик. Сибиряк облегченно вздыхает. Теперь моя очередь. В карманах ничего нет, но решение приходит по наитию. Сажусь на корточки перед рысью. Протягиваю ему руку с открытой ладонью и, напрягая волю изо всех сил, мысленно произношу фразу Маугли из Киплинга: «Мы с тобой одной крови. Ты и я...» Кот втягивает в себя воздух, обнюхивая руку, потом смотрит мне в глаза почти осмысленным взглядом... и, сделав шаг вперед, трется мордой о мое колено.

– Вот так дела! – в голосе старика слышится неподдельное удивление. – Двоих... Нет, теперича троих Рыська за близких до сих пор признавал кроме меня!.. Славные гости к моему очагу пришли сегодня!.. Ну, что ж, посылай за своими, слово дадено, нарушить невозможно...

Когда Семен привел остальных, я уже успел вкратце, обходя, насколько возможно, специфику нашей деятельности, рассказать Мартьянычу про наши приключения. С появлением раненого он сразу скомкал разговор и занялся Синельниковым. Матвея и Анну единственных пустил в избу, остальным командным тоном предложил располагаться в просторном сеннике, что отнюдь не вызвало никаких возражений. На мой вопрос, где можно выставить посты, лишь усмехнулся и заявил, что это – лишнее. Мол, никто не сможет сравниться с Рыской и его семьей. Пришлось поверить ему на слово, тем более что произнесено это было ТАКИМ тоном, что проверять желания почему-то не возникло. Во избежание лишних небоевых потерь. Хотя спустя какое-то время, пользуясь тем, что старик Мартьяныч занялся вместе с медсестренкой раненым, попробовал пройти обратно до болота. Но на полпути был остановлен вышеупомянутым кошаком, который, как чертик из табакерки, возник на тропе совершенно беззвучно и внезапно. На старый трюк с протягиванием ладони он отреагировал своеобразно. Все, как в первый раз, шаг вперед, но вместо того, чтобы потереться о колено, ткнул головой в живот, и только вбитые тренировками рефлексы превратили плюханье на жо... в кувырок назад. Оценив мои акробатические способности, это чудо природы мяукнуло с интонацией типа: «Хорош дурью маяться. Иди – отдыхай» и в одно мгновение исчезло в кустах. М-да, уходить отсюда против воли хозяина, кажется, будет очень трудно. И дай бог, чтобы не пришлось этого делать...

Возвращаясь обратно, бойцы уже вовсю кашеварят под навесом, где возле миниатюрной, максимум на двух-трех человек, бани сложена такая же маленькая печка-очаг, типа – летняя кухня. В котле булькает-варится немецкая тушенка, к которой хозяин добавил «с барского плеча» пару-тройку стаканов перловой крупы, луковцу и лукошко грибов, которые чуть ли не моментально были очищены и присоединены к остальным продуктам. В итоге получилась вкуснейшая похлебка, которую разлили по котелкам и ели прямо там же, возле очажка, усевшись в кружок. Дед к тому времени освободился и подсел к остальной компании. Я заметил, что когда хозяин «снял пробу», в смысле, первый зачерпнул деревянной ложкой ароматный супчик и спокойно отправил все в рот, Семен окончательно расслабился. Да оно и понятно. Обычай, не менее древний, чем человечество: человека, с которым ел за одним столом, нельзя убивать, грабить, обворовывать, обманывать. Понятное дело, что со временем люди цивилизовались, то есть научились делать всяческие пакости ближнему своему, прикрываясь при этом общечеловеческими ценностями, благими намерениями и прочей лабудой и невзирая на древние обычаи. Но в затерянных медвежьих углах их всё еще свято соблюдали – и в начале «просвещенного» двадцатого века, и в мое время, в смысле, в далеком будущем.

Как-то местные мужики-сверхсрочники там, в Колдино, после надцатой рюмки рассказывали, что у болота, где деревня «Не помню названия» из поколения в поколение собирала клюкву, объявился хозяин. Предприниматель из Новосиба, купивший у местных властей право на беспредел. После того, как деревенские отказались собирать для него ягоду, притащил каких-то бомжей, которые «газонокосилками» с приводом от бензопил срезали все. И ягоду, и листики, и веточки. Уничтожил клюквенную плантацию за три дня. Ягоду отправил в Москву, бабок на этом наварил, говорили, немеряно. Только вот через пару месяцев нашли его прибитым к стене собственного дома-особняка, и рот был набит этой самой клюквой. И, что характерно, виновных не нашли. Помимо пары тех же бомжей, которые в чем-то там признались с единственной целью – провести время с сентября по апрель в теплом месте и на казенных харчах...

Так, что-то не вовремя я ударился в воспоминания о будущем. И, вдобавок, ловлю на себе изучающий взгляд хозяина. Ой, чует моя... интуиция, не все здесь так просто и ладно.

После еды разрешаю всем отбиться, то есть поспать, но четыре человека посменно будут только изображать послеобеденный расслабон. С оружием неподалеку. Дружба дружбой, а правила работы ДРГ в тылу никто не отменял. А сам иду к Мартьянычу на разговор. Во-первых, надо о ранении Матвея узнать, а во-вторых, уж больно человек интересный и загадоч-

ный попался. Дед, похоже, предвидел такой поворот событий и поджидал, сидя на том самом бревнышке возле крыльца. Увидев меня, призывно машет рукой и хлопает ладонью по почти отполированному стволу дерева – садись, мол, поговорим. Ну, что ж, за этим, собственно, и шел. Присаживаюсь рядом, достаю папиросу и, вспомнив о запахах в доме, протягиваю открытый портсигар хозяину. Тот, не чинясь, берет «палочку здоровья», прикуривает от зажженной мною спички и выпускает дым замысловатой фигурой. Три кольца, которые потом пронизываются струйкой дыма. Слышал я о таких фокусах...

– ... ведь хотел спросить, воин? – Голос деда Мартьяна внезапно доносится до ушей. Блин, да что же это такое творится! Пришел поговорить, а завис на трюке с папиросой. Видя мое замешательство, знахарь повторяет фразу:

– Ты ведь пришел, чтоб спросить не о том, как такие вот «чудеса» делаются. – Дед становится серьезным. – Слушай, чего скажу, а потом, ежели будут вопросы, – спросишь. У товарища твоего рана серьезная, но не безнадежная. Кость цела, осколков и трещин, коих опасалась ваша «сестрица», нет. Но крови он потерял гораздо, и ему на ближайшие две седмицы покой нужен, травок кой-каких попить, да и питаться не консервами вашими, а свежей печенкой. При потере крови очень полезно. Я это к тому говорю, что его я у себя оставлю. И Анюту – тоже. Девка умная, справная, да и желание изъяснила поучиться малость. Не веришь, сам у нее спроси.

Впервые бьет по ушам дедов говор, нехарактерный для этих мест. Типичный русский язык, нарочито коверканный время от времени нехарактерными оборотами и местными словечками. Ладно, и об этом спросим, но пока есть вопросы поважнее:

– А что, дед Мартьян, попросишь взамен? – Каждая услуга должна быть оплачена, вот и поторгуюсь. – У нас ведь ничего нет, кроме оружия, но его не отдадим ни в коем случае.

– А платой будет твой рассказ о том, что вы такого учудили, что германцы по всему краю вас днем и ночью ищут, поймать пытаются. По лесам и чащобам бегают, зверя пугают... Думаешь, откель старому об этом известно?... Так Рыська и рассказал. Мол, чужие лоси, кабаны, даже медведь один пришли вокрест. А в ихних угодьях люди чужие появились, да с собаками, ищут кого-то. Вот тебе и вся хитрость... – Старик снова с видимым удовольствием затягивается папиросой. – Так что же вы натворили такого?

Ну, и что ему рассказывать? Вешать лапшу на уши – раскусит на раз, и доверия больше не будет. А если правду? Чем это грозит?... Да ни чем. Он даже рассказать никому не сможет, кто к нему сюда заявится?... Ага, если мы прошли, то и гансы могут это повторить. И придется деду объяснять им, откуда у него раненый офицер и молодая симпатичная барышня... И сможет ли их оборонить, вот в чем вопрос?... А, будь что будет, режем правду-матку, будет старый все знать, примет осмысленное решение:

– Знаешь, дед Мартьян, недалеко отсюда крепость... была. Ново-Георгиевск называлась. Сдали ее германцам... А когда император их со своими генералами пожаловали посмотреть на трофеи, мы часть складов рванули, да под шумок парочку и пристрелили. Вот за это они и ищут нас.

– А кого подстрелили-то, знаешь? – Знахарь очень серьезен, будто выискивает одному ему важные детали. – Иль стрельнули, и дай бог ноги?

– Сбежали мы действительно быстро. Но генералы, предположительно, – Гинденбург и Людендорф.

– Пауль Гинденбург и Эрик Людендорф... – задумчиво повторяет старик. – Ну, скатертью дорожка вам, пауки-кровопийцы в... адское пекло... Чего удивляешься? Думаешь, в лесу сижу, так ничего не знаю? Не всегда я лесным знахарем был. Обычную медицину тож знаю, учился как-то и практиковал, служил уездным лекарем. Да ты в доме книги сам видел. А то и ко мне учиться приезжали. С год назад даже доктор московский был с помощницей своею. Обещались еще заглянуть, да война вот помешала.

Что-то в голове шелкает, в памяти всплывают доктор и Даша у моей постели в госпитале и их диалог:

«— Я увидела, что в теле как бы два... человека. В одно и то же время один хочет жить, а другой — нет. Как такое может быть?

— Не знаю... Встретим Целителя, спросим у него...»

Сердце начинает сумасшедше колотиться, медленно стараюсь подобрать слова и очень боюсь ошибиться в своем предположении:

— Мартьяныч... Доктора звали... Михаил Николаевич, а его помощницу... Дашей?... Они тебя Целителем называли?... Так?..

— ...И все-то ты знаешь... пронира! — дед произносит фразу в некотором замешательстве, затем в течение пяти секунд буквально просвечивает меня своим пристальным взглядом, как рентгеном. — Ох, и не прост ты, воин, ох, и не прост!.. Ладно, поговорим еще на эту тему... Да, доктора Михаилом звали, а помощницу — Дарьей. Рыженькая такая... Что, запала девка в сердце?... Вижу, запала. Коль слюбится у вас, береги ее, талант лекарский у ней. Ничего боле не молвлю, коль посчитает нужным, она сама тебе все расскажет... Ну, что ж, здволил ты меня своими новостями, спасибо!.. Что дальше делать собираешься?

— Коль ты у себя оставляешь раненого и Анну Сергеевну, мы хоть завтра уйдем дальше. Только... Если германцы заявятся, что им объяснять будешь?

— А кто тебе сказал, что они досюда дойти смогут, а?... Без моего дозволения сюда никто не придет. Да и не только во мне тут дело-то, место здесь особое, исконное. — Старик удивляется, затем важно оглаживает свою бороду. — Твои вон двое лесовиков, когда блукали, испужались и убежали прочь. Потом ты с одним из них пошел. Мне интересно стало, кто такие, вот и допустил на правильную тропку. А нет, так пошли бы круги мотать, а то ещё в болото скакнули б.

Мне мимолетно вспоминаются ощущения тяжелого обруча на голове, какого-то иррационального страха сделать шаг вперед, которые потом вдруг сменяются каким-то манящим зовом... В неведомое... Ай да дед!.. Ай, молодец!.. Вот это экстрасенс!.. Ходячее, блин, психотронное оружие! Или это все — придумки старого?... Подгонка объяснений под события...

Мартьяныч, улыбаясь, смотрит на мою, наверняка озадаченную, физиономию:

— Вижу, что не веришь. Сам бы не поверил... Так я ничего тебе доказывать и не стремлюсь. Просто прими за факт, что против моего желания сюда ходу нет... Хочешь, проверим? Выйдешь сейчас за болото и попытаешься вернуться, пройти обратно...

— Нет, я вам верю... Ну, а если у германцев... извините, Мартьяныч... колдун какой найдется?... На ночь посты все-таки выставлю.

— Колдуном, значит, меня числишь? Про икону в хате запаматовал?... Х-хе... — Старик открыто усмехается, видя мою неловкость и смущение. — Ладно... А откель здесь колдун германский? Да и есть ли такие сейчас?... Ну а даже если и есть, ничего он не сможет. Я-то на своей, родной земле, а он — пришлец незванный, не будет у него супротив нас силы... А насчет сторожей, вольному — воля. Ты — воин, тебе и думать, какие порядки у себя в отряде устанавливать. — В голосе деда слышится интонация, с которой разговаривают с упрямым ребенком, лишь бы не капризничал. — Только со двора пусть не ходят.

— Кстати, а почему вы постоянно называете меня воином? Я такой же, как и остальные, только погоны со звездочками. Да и помимо меня здесь еще трое офицеров.

— А ты думаешь, что случайно сюда попал, на ЭТУ войну, в ЭТО время?... — Взгляд старика становится каким-то особенным, в глазах появляется завораживающая, засасывающая неизвестно куда бездна, и лишь спустя несколько мгновений до меня доходит суть сказанного!.. Но как?!.. Мартьяныч между тем возвращается в образ деревенского знахаря и продолжает, как ни в чем не бывало: — ...Потому что тебе на роду написано воевать, быть воином, защитником. Тот же сибиряк, с которым ты пришел, может, и стреляет получше, да только он — охотник,

лесовик. С людьми воюет по обязанности. Вот есть у тебя в отряде двое казаков, так они – тоже воины... Ты же... Ладно, позже как-нибудь... В общем, ежели не коробит тебя это слово, не обращай внимания, мне так удобней...

Насчет завтра уйти – погодь, посмотрим, как ночь пройдет. Может ведь случиться и так, что отседова выйдете и на германцев сразу напоретесь. Ни мне, ни вам этого не надобно... В общем, отдыхайте пока, утро вечера мудренее. Так ведь в народе говорят...

Глава 8

Гауптман, сидя в кресле, уже в который раз перебирал в памяти разговор с майором. Гложущее недоумение было единственным чувством, терзавшим измученную голову. Безрезультатные поиски неуловимых русских партизан, беспомощность в тщетных попытках помешать их замыслам, предугадать следующий шаг противника... И та несоразмерная цена, которую пришлось заплатить за две русские могилы...

В такой обстановке единственной наградой, на которую он мог рассчитывать, было отсутствие наказания. А вместо всего этого столь ясно высказанное обещание ордена!

Но приятные сюрпризы на этом еще не закончились. За окном раздался шум приближающегося автомобиля, и, когда он остановился в поле зрения, из него вышел офицер в сопровождении унтера. Этого не могло быть, но это были... Его егеря!..

– Здравствуйте, герр гауптман! – зайдя в комнату, обер-лётант Майер вначале официально его поприветствовал, а затем тише добавил: – Рад видеть вас, Генрих.

Фон Штайнберг, еще не веря собственным глазам, вскочил с кресла и, забыв о ранении, попытался протянуть руку для приветствия, но контузия опять напомнила о себе, и он, пошатнувшись, задел раненой рукой о спинку кресла, что вызвало очередную вспышку боли. Так что обер-лётанту пришлось подхватить своего командира и бережно усадить обратно.

В первые минуты встречи гауптман буквально не давал Майеру открыть рот. Короткий монолог свелся к нескольким фразам, повторяющимся в различной вариации: «Как? Какими судьбами? Что с ротой? И куда делись эти русские головорезы?»

Иоганн с улыбкой выдержал этот шквал вопросов, и, не спеша, ответил:

– Начну с конца: после вашей воздушной атаки, Генрих, эти русские исчезли, просто испарились. В районе нашей ответственности установилась тишина, а еще через несколько дней пришел приказ из Берлина о передислокации роты. Причем конечный пункт не был указан. Мы ожидали всего, что угодно, вплоть до перевода на Западный фронт или расформирования. Но вместо этого нас разместили в бывшем поместье под Шпандау и начали муштровать. Мы бегаем, скачем на лошадях, стреляем из всего огнестрельного, пожалуй, кроме только гаубиц, лазаем по канатам, метаем ножи. Нас учат какой-то японской борьбе. Ребята, если остаются на то силы, смеются и говорят, что из нас делают то ли циркачей, то ли олимпийцев.

В это время раздался клаксон автомобиля. Майер встрепнулся и с явным огорчением начал прощаться:

– Скорее выздоравливайте, Генрих. Вся рота ждет возвращения «нашего гауптмана», тем более, что, как я слышал, вы остаетесь нашим командиром. А вот это егеря просили передать лично вам в руки. – И обер-лётант крикнул в сторону двери: – Йозеф, зайдите!

По этой команде в палату зашел унтер-офицер Кранц с большой плетеной корзинкой, прикрытой крышкой. А из неё, как из сказочного рога изобилия, появились соблазнительно пахнувшие пряностями копченые окорока и шпиг.

– Угощайтесь, герр гауптман, – негромко проговорил он, улыбаясь. – Нам, дабы не забывали егерское искусство, разрешили поохотиться, вот ребята и постарались для вас.

Несмотря на прусскую выдержку, фон Штайнберг ощутил, что у него слегка защемило в глазах, и он снова почувствовал себя дома, среди своих офицеров и солдат, с которыми сможет пройти сквозь любой огонь. Но его невольно выручил повторный и более продолжительный сигнал, который позволил в некотором роде сохранить лицо. Майер и Кранц четко отдали честь и вышли.

Наступил вечер, Штайнберг мгновенно заснул, едва добравшись до кровати. Слишком много хороших известий опьянили барона, он вновь ощутил себя совсем молодым юнкером, когда на пари залпом осушал бутылку шампанского. Восемь часов сна вернули ему силу, тело

и душа наполнились энергией, и даже раненая рука не так сильно напоминала о себе. Исчезли раздражительность и угрюмость. Первым столь благоприятные изменения в характере гауптмана заметил парикмахер, который подобно своему великому «предку» Фигаро отличался некоторой болтливостью, вызывавшей у его титулованного клиента гримасу неудовольствия, иногда сопровождаемую коротким: «Halt die Klappe (заткнись)». Теперь же в процессе бритья барон со снисходительной улыбкой выслушал все местные новости и даже соизволил рассмеяться над немудреным анекдотом.

Врач, за которым был закреплен гауптман, также был в восторге от «такого покладистого и дисциплинированного пациента», готового идти на любые процедуры, только бы приблизить долгожданный день исцеления и выписки в строй. Вершиной жертвенности стало безропотное употребление кефира. Доктор, считающий себя сторонником школы знаменитого профессора Мечникова, искренне верил, что этот напиток способен исцелить все человеческие заболевания. А посему с нескольких близко расположенных ферм на кухню госпиталя регулярно поступал этот «напиток здоровья». Штайнберг, которого в далеком детстве заботливая няня наряду со сказками Андерсена перекормила еще и вышеупомянутой кислятиной, его ненавидел. И утверждал, что с тех пор единственный продукт, производимый коровой, который ему по вкусу, это хорошо прожаренный бифштекс. Но цель оправдывает средства, и единственное, что мог себе позволить барон, выпивая ежедневную порцию кефира, несколько передразнивать доктора и бурчать: «Ad usum externum (для наружного применения)».

Но зато вечера были прекрасны. Фройляйн Грета, заручившись согласием врача, регулярно читала вслух своему подопечному разнообразную литературу, аккуратно обновляемую майором. Частые встречи сдружили двух офицеров. Майор, будучи старшим и по возрасту, и по званию, относился к гауптману как к своему протеже и, заручившись его согласием, перешел на обращение по имени, естественно, без посторонних лиц. Да и его добротный прусский юмор всё чаще звучал в разговоре.

Сочинения Дениса Давыдова сменила «Партизанская война» Гершельмана, а «Войну и мир» Толстого – книга «Преступление и наказание» Достоевского.

Попав в этот конвейер исцеления и самообразования, гауптман даже не обратил внимания, как во время очередного планового медицинского осмотра с него сняли мерку и в одно прекрасное утро майор фон Тельхейм вместо очередной порции книг привез великолепно пошитый и отлично выглаженный офицерский мундир. Не был забыт и Железный крест 2-го класса, аккуратно приколотый к кителю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.